

Матьяна Алюшина

Тот, кто назначен
судьбой

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

Тот, кто назначен судьбой

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Тот, кто назначен судьбой / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2016 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-90466-2

Стеша обладала странным даром – видя людей, девушка понимала, кому из них суждено образовать пару. Но сама она до сих пор оставалась одна. И только оказавшись на краю пропасти, на грани смерти, Степанида наконец встретила своего идеального возлюбленного. Вот только он категорически отрицает для себя всякую возможность серьезных отношений.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90466-2

© Алюшина Т. А., 2016
© Эксмо, 2016

Татьяна Александровна Алюшина

Тот, кто назначен судьбой

© Алюшина Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Спас ее куст.

Или не куст вовсе, а молоденькое совсем деревцо – неважно, какое-то растение, небольшое, но цеплечее. А деревцо, не деревцо, она не ботаник – так что пусть будет куст! Тем паче что он так, зараза, вцепился, что пришлось долго с ним копошиться, пытаясь отодрать от одежды, и, поверьте, это занятие совсем не располагало к задумчивому рассматриванию растения и выяснению его классификации. Это уж точно!

А все потому, что она забрела подальше, углубившись прямо в заросли какие-то. Наме- ренно, разумеется, и вполне обдуманно.

Группа сделала привал на понравившейся ей небольшой, практически ровной, как стол, скальной площадке, нависшей карнизом высоко над рекой, бурлящей в порогах бурунами вод- ных брызг. Место называлось Бараний Лоб, что ему очень подходило, потому что эта выступа- ющая над крутым обрывом скала с определенного ракурса сбоку и на самом деле напоминала выставленный вперед лоб тупой, упертой бараньей башки.

Парни наперебой принялись уговаривать встать прямо здесь лагерем, сильно впечат- лившись открывающейся, прямо-таки завораживающей панорамой дикой природы. Но дядь Миша, их неизменный и надежный проводник, помотав отрицательно головой, усмехнулся с явным сарказмом и коротко констатировал:

– Не пойдет! Красиво, а как жить, у нас тут везде красиво, куда ни глянь, но жопы отморо- зите на каменюках этих, – и махнул ручищей своей, как на деток неразумных, глупость сболтнувших. – Баловство!

«Ну, а кто еще? Дети, конечно», – вздохнула про себя безнадежно Степанида и тоже махнула рукой, распорядясь:

– Привал десять минут, и идем дальше.

Жестом показала дядь Мише, что она в кустики по нужде, тот в ответ кивнул и полез в свой доисторический брезентовый плащ за табаком.

Да, «малыцы», как называют тут местные ребятишек, какие-то прямо неугомонные, это точно, – рассуждала Стеша, углубляясь в заросли, – да детский сад вообще! Троим по два- дцать одному году, старшему в группе двадцать четыре, и вроде бы мужик здоровый, жениться собрался, с претензией на солидность и разумность, аспирант, а такое же дите, как и студенты ее баламутные. По крайней мере, подписывают они его на все свои задумки и проказы шebut- ные влегкую, на раз-два, даже на понт не берут или слабо – задурят голову ученую, что-то там с умным видом насочиняют, и, глядишь, он уже «в деле».

Ну, понятно, что мальчишкам скучно без привычного драйва столичного: ни тебе интер- нета скоростного, связь вообще прошлый век, докричаться проще, чем дозвониться, гаджеты, как хлам, лежат пылятся, ни клубов, ни тусовки, ни переписки активной в соцсетях – тоска-а- а. Глухая таежная деревня, в которой группа зависла на долгий месяц.

И хоть уходят они в тайгу на работу на несколько дней с ночевками и длинными пере- ходами, а уж там не заскучаешь особо: отматаешь по дикой местности десятки километров с тяжеленным рюкзаком и аппаратурой на горбу, а потом так упахаешься за день, что еле ноги до

спальника в палатку дотащишь, но парням все равно скучновато. Вот они и резвятся от души, придумывая развлечения разные, порой слишком неумные и не совсем безобидные.

Но Степанида по большей части смотрела на все их выкрутасы сквозь пальцы и излишней строгости руководителя не проявляла понапрасну – пусть себе, главное, чтоб без перебора и никого из местных не задевали. Вот, оберегаясь от такой активности своих подчиненных, она и полезла подальше от стоянки, а то с этих оболтусов станется подсмотреть, как начальница в кустиках пристраивается и штанишки спускает. Нет, сам процесс они вряд ли станут наблюдать, но подшутить, шугануть с облюбованного места, разыграть это запросто могут. Потом, разумеется, извинятся, но поржут от души, а то! И не преминут после пройтись по ее фигуре и пятой точке намеками да смешком, но вроде как соблюдая положенное уважение к руководителю. А как же! Хоть какая развлекуха!

Она хмыкнула таким мыслям и покрутила головой, улыбаясь: ну, мальчишки, пацаны, что с них возьмешь! Она вон даже рюкзак не сняла и на привале не оставила, на автомате так и потащив на спине, хоть устала от него уже зверски.

А потому что уже не раз сталкивалась с приколами этих «детюшек» – то лягушек они ей в рюкзак насовали, и когда на привале Стеша открыла клапан, они как принялись оттуда выскакивать, громко квакая. Она тогда отскочила ланью перепуганной с визгом! Вот парни ржали! Даже невозмутимый дядя Миша похохатывал. Потом был ужик в боковом кармане, но тут уже Степанида не растерялась и скакать-визжать не стала, а, поймав рептилию, кинула ее прямо Андрею Торгину, главному идеологу и заводиле всей этой компании, в руки.

Тогда завизжал уже от неожиданности он. Тоже повод для веселья и дружного гогота.

И завязанные узлами рукава ветровки, и ржавый дырявый котелок вместо пригодной посуды – вот такая вот у нее в подчинении младшая группа детского садика «Василек», в официальных документах благородно именуемая научной экспедицией.

Но рюкзак теперь Стеша без присмотра не оставляла, так и таскала даже в кусты.

Все улыбаясь своим мыслям, Степанида забрела довольно далеко, скинула надоевший до зуда в спине рюкзак и уселась под кустиком у дерева по малой своей природной нужде, как называет это действие их проводник. А когда поднималась, этот самый куст вцепился в петли на поясе ее брюк, причем так крепко, словно отпускать не хотел – типа: «Эй, ты куда собралась, дорогая? Ну, поиграй тут со мной, посиди еще чуток, поговорим, подумаем!» Она рванула раз, два – ни в какую!

Пришлось две руки заводить за спину и на ощупь пытаться отодрать привязчивые ветки. Но они никак не поддавались. Стеша уж тихо поругивалась сквозь зубы и проваландалась с этим кустом незнамо сколько времени, еле сдерживая естественный порыв рвануть к такой-то бабушке со всей дури свои штаны из этих веток! Сдержалась. Расцепила как-то.

Поправила одежду, закинула на одно плечо рюкзак и пошла к стоянке.

Шум бьющейся в порогах воды все нарастал по мере ее приближения к временному лагерю, а вокруг царил умиротворяющий, настраивающий на возвышенный лад природная гармония. Стеша вдыхала полной грудью чистый, пьянящий хвойный воздух, смотрела на деревья, стоявшие гордым войском посреди каменных россыпей, и чувствовала некое особое состояние, какое наступает, когда вот так близко соприкасаешься с первозданной, нетронутой природой, словно чистишься душой, и что-то звенит внутри от этой удивительной красоты...

И вдруг, разбивая в хлам все хрустальное умиротворение и спокойствие, прогремел выстрел! Казалось, что прямо прогрехотал, как взрыв, чужеродным, совершенно неуместным посреди всей этой тишины и гармонии звуком!

Со стороны их привала!

Она замерла на месте, оторопев от неожиданности.

Да что там у них такое?! Зверь какой, что ли, вышел? Или...

С вариантами было туговато – любое «или» могло случиться, любое!! Черт! Да в этой дикой тайге что угодно может случиться!

И вот что бы вы сделали при таком раскладе? Правильно – побежали бы, да еще как, немедленно выяснить, что происходит, что случилось там у ребят... Нормальный человек, к тому же отвечающий за всю эту компанию, разумеется, во все лопатки припустит вперед разобратся в проблеме.

А она вот не побежала. Наоборот, надела рюкзак, как положено, на оба плеча и двинулась вперед медленно, внимательно оглядываясь по сторонам, тщательно прислушиваясь и стараясь ступать очень осторожно, глядя, куда и как наступает, обходя сухие ветки на земле, чтобы производить как можно меньше звуков.

Вот такая девушка. С детства доведенное, закрепленное до уровня инстинкта, до рефлекса правило, практически закон жизни, втолкованный ей – не знаешь, что за ситуация, происходит нечто непонятное, странное или пугающее, или тебя что-то сильно насторожило? Прежде чем кидаться от дурной башки без разбора и выяснять методом наскока и дурака «что там такое», ударившись с разбегу лбом об обстоятельства, – оцени обстановку, разведай и узнай все, что можно, пойми, что происходит на самом деле, реально взвесь свои силы, шансы и возможности в данных обстоятельствах и только тогда принимай решение и начинай действовать. Только тогда!

Папенька родной постарался, обучая таким вот правилам жизни. Ну и как действовать и принимать решения, тоже не забыл научить. Но это тема отдельная.

Осторожно продвигаясь вперед, Степанида уже отчетливо различала незнакомые мужские голоса, громко кричавшие хозяйским тоном, отдававшие какие-то приказания, и уже отчетливо понимала, что происходит нечто совсем хреновое. Из ряда вон какое хреновое! И главное, пока непонятное.

Стеша согнулась чуть ли не пополам, в полуприсядку пробираясь поближе – уже за деревьями просматривалось какое-то мельтешение фигур, но неясное, и слова различить было никак невозможно, кроме отдельных матерно окрашенных выкриков незнакомцев. Она остановилась. Присела на корточки и принялась осматриваться в поисках более удобной позиции, с которой было бы возможно увидеть все более отчетливо, при этом самой оставаясь незаметной.

Так. Слева от нее, уходя вперед до самого обрыва, над рекой тянулась каменная гряда, поднимаясь метра на три, влезть на нее, конечно, можно и вполне реально, но это займет довольно много времени, и не факт, что оттуда будет все видно, а уж про то, чтобы расслышать что-то, и вовсе забыть нужно – далековато. Справа же каменные глыбы хоть и попадались, но одиночные, разбросанные среди деревьев, а не сплошным массивом, а вот деревья...

Так, деревья – это уже лучше.

«Возможно!» – повторила мысленно себе Стеша и осмотрелась уже более конкретно с этой самой мыслью.

Подходящий под задачу объект обнаружился после того, как она, со всей осторожностью, практически ползком, продвинулась еще немного ближе к лагерю. Рюкзак Стеша припрятала в небольшой расщелине между камнями и поваленным стволом старой ели и даже присыпала сверху сухой хвоей и прошлогодней листвой для большей конспирации, предварительно вытащив из него маленький, но мощный бинокль и цифровую видеокамеру.

Все это разведывательное добро повесила себе на шею и чуть ли не по-пластунски подобрались к самому крупному дереву, стоявшему аккуратно у края каменной площадки, которое предварительно и высмотрела для проведения рекогносцировки, ползая тут, как партизанка такая.

«Кажется, это пихта или кедр?» – пришла в голову странная отвлеченная мысль. Стеша даже головой помотала от удивления и возмутилась: «Ты что, Степанида, обалдела? Ты еще про пестики-тычинки порассуждай давай, самое время!»

От испуга, что ли? Да, вроде и не очень она испугалась.

Напряглась, понятное дело, нервничает, но чтобы бояться уж так, чтобы прямо страшно-страшно, – такого точно нет.

Когда задумал залезть на дерево, замечательно, если на его стволе имеются ветки и желательно поближе к земле. Ветки на облюбленном дереве, понятное дело, имелись, но назвать их удобной лесенкой к вершине нельзя было даже с большой натяжкой.

А куда деваться? Охо-хо-шеньки!

Перекинув на спину бинокль с камерой, кое-как цепляясь за торчащие из ствола пеньки-обрубки обломанных временем и стихиями ветвей, перемазав все ладони и куртку спереди смолой, стараясь производить как можно меньше шума, Стеша смогла-таки добраться до толстых веток и по ним подняться повыше и даже вполне удобно устроиться на одной из них.

Она не ошиблась – с той точки, где она осторожненько усаживалась на удобной большой ветке, плоская каменная площадка над обрывом была видна как на ладони. Вообще Стеше очень повезло, что все эти ее карабканья никто не услышал и не увидел – дерево стояло совсем близко к площадке, выручил фоновый шум от бурлящей внизу реки, ну, и общая занятость людей на площадке, о которой можно было догадаться по непрекращающемуся матерному крику.

Еще не рассмотрев все толком и не поняв, что там творится у них внизу, Степанида сразу же включила видеокамеру, настроила ее, навела картинку на площадку и выставила звук на максимальную громкость записи.

И вот тогда-то, когда наконец через экран камеры, приблизив и увеличив картинку, девушка рассмотрела в деталях, что именно там происходит и как, она обалдела от непонимания и прокатившего по спине холодом испуга.

Что за дела-то такие?! Что происходит-то, а?!

Сердце заколотилось перепуганно, и кровь шибанула горячей волной под колени! От неожиданности и страха она чуть равновесие не потеряла. Пришлось ухватиться свободной рукой за дерево и прижаться к стволу боком.

И в этот момент ветер, как по заказу, подул в ее сторону, и все разговоры внизу стали слышны довольно ясно и отчетливо.

Четверо абсолютно незнакомых ей мужиков, явно местных каких-то, все в охотничьей снаряде, с охотничьими ружьями, громко матерясь и отдавая приказания тоном наехавших бандюков, кошмаря психологически непрерывным ором, подталкивая прикладами ружей в спины, поставили ребят на колени в ряд. А чуть в стороне, ближе к краю площадки, Степанида заметила лежавшего неподвижно на боку Михаила Евгеньевича, так и не снявшего своего рюкзака с плеч.

Бывший егерь вообще не любил «попусту поклажу тревожить», как он частенько говаривал: «А зачем? Приладил добротню к спине, чтоб не елозил, не бил по-глупому, и ходи себе», уж тем более на таком небольшом привале, на один перекур.

Она навела на дядю Мишу видеокамеру, увеличила максимально картинку, но так и не смогла понять, жив ли он вообще, дышит ли. Это в него, что ли, стреляли? Но как ни присматривалась, крови не заметила.

– Где девка ваша?! – орал один из воинствующих незнакомцев на аспиранта Витю, стоявшего перед ним на коленях.

И тут же без предупреждения, с короткого замаха ударил кулаком его в челюсть. Судя по уже текшей из уголка губ по подбородку Вити струйки крови, бил он его не первый раз. Голова парня дернулась, а Стешка ахнула от неожиданности и возмущения, но тут же сильно прикусила губу – нельзя!

Нельзя себя выдавать! Никак нельзя! Поймают же! И кто мальчишкам тогда поможет?! Она тут сидит как на насесте, если кто-то из этих бандюков посмотрит вверх и приглядится повнимательнее, ее сразу же заметят! Сразу!

– Я спросил, где девка?! – проорал мужик.

Витя сплюнул кровавую слюну, вытер губы, посмотрел на кровь на пальцах и довольно спокойно ответил:

– Я же сказал: она сегодня на заимке осталась с данными работать. У нас накопилось много данных, их надо периодически обрабатывать, рассчитывать и вносить в компьютер, сегодня ее очередь этим заниматься.

И тут еще один из мужиков подскочил к Аркаше Азовскому, как и остальные, стоявшему на коленях и с расширившимися от ужаса глазами, потрясенно крутившему головой, наблюдая за происходящим вокруг, словно не веря в то, что это происходит на самом деле. В его жизни, в реале! Он даже не успел ничего сообразить и отреагировать как-то, хотя бы попробовать отклониться, когда получил мощный удар в челюсть, от которого свалился кулем набок. Мужик, здоровый, как лось, ухватив Аркашу за шиворот, тряхнул его, как куль с мукой, приподнял и снова усадил на колени и, не отпуская его ворота, наклонился и проорал ему на ухо:

– Он говорит правду?! Девка ваша где?!

– До-о-ома осталась!! – заорал во все горло от испуга Аркаша. – Честное слово, дома!! У нас работы много, данных!! – и неожиданно всхлипнул, как перед истерикой, чуть не заплакал, но сдержался.

Мужик тряхнул его еще разок, отпустил и посмотрел на напарника, который бил аспиранта Тюрина.

– Похоже, на самом деле девка не с ними. Что делать будем, Чума?

– А что будем? – спокойно ответил тот, отошел от Вити и уселся на рюкзак кого-то из парней. – Что решили, то и будем. – Достал неторопливо сигареты и зажигалку из кармана камуфлированной куртки, по типу военного образца, которые в этих местах носят большинство охотников, закурил, сильно затянувшись, выпустил дым и пояснил расклад дальнейших действий: – Вызовем его, как и решили. Он все равно понесется их выручать, что с девкой, что без нее, а дальше все, как и планировали, – и хохотнул. – Жалко только поскучать придется, пока ждем, с бабой-то время веселее провели бы, – и добавил матерно, как именно они собирались весело проводить время в присутствии Стеши на этом «празднике жизни».

– А может, и повеселимся, – предположил еще один участник бандитской группы, подходя к сидевшему, и пояснил, перемешивая свою речь матерными составляющими: – Если она узнает, что ее пацаны куда-то вляпались и у них проблемы, то, может, с егерем вместе и победит спасать, – и заржал. – Начальница, е...

– Там посмотрим, – не разделил его оптимизма, видимо, главный тут у них, Чума и приказал: – Ну-ка, Бык, тащи этого. – Он указал на Витю, все вытиравшего и вытиравшего тыльной стороной ладони кровь, текущую из разбитой губы.

Его «лосистый» кореш по прозвищу Бык в два здоровенных шага оказался рядом с парнем, ухватил Тюрина за шиворот, как только недавно Аркашу, и поволок за собой по земле. Подойдя к сидевшему на рюкзаке главарию, поставил перед ним на колени Витю, не забыв попинать его и тряхнуть предварительно. Видимо, добиваясь пущего испуга.

– Ты у них тут за главного, когда начальница отдыхает? – глумливо хмыкнул непонятный пока еще до конца Чума.

– Я, – кивнул Витя.

– Как звать? – спросил мужик.

– Виктор, – пробурчал Тюрин.

– Ну, так вот, Витя, – почти ласково обратился к нему мужик. – Сейчас ты достанешь рацию, я в курсе, что у вас армейская КВ-радиостанция с дальним диапазоном и вы постоянно

на связи с заимкой, и вызовешь Славина. Скажешь ему, что проводник ваш дядя Миша Куликов упал с обрыва и сильно расшибся. Очень сильно. Теперь лежит весь переломанный, без сознания, и вам требуется срочная помощь для эвакуации. Ты меня понял?

Витя кивнул, мол, понял.

– Молодец, – похвалил мужик. – Объяснишь, что вы могли бы и сами его вынести из тайги, да только не знаете точный маршрут и можете заблудиться. А чтобы ты глупостей не наделал и не сболтнул чего лишнего, мои ребята постоят рядом с твоими мальчиками во время вашего разговора. – Он кивком приказал своим людям выполнять сказанное. «Лось»-Бык и двое остальных бандитов подошли к стоявшим на коленях Игорю, Аркаше и Андрею. А старший продолжил объяснять Вите дальнейший расклад: – За каждое твое неправильное слово или неубедительную интонацию мы будем отстреливать или отрезать твоим друзьям важные части их тела. Если егерь засомневается в твоих словах или начнет задавать неправильные вопросы, кого-нибудь из них пристрелим. Это понятно?

Витя снова кивнул, не удосужив бандита словесным ответом.

– Опять молодец. Идем за рацией, – и осклабился издевательской улыбочкой. – Я провожу.

«Так-так! – продолжая снимать все очень старательно и наводя крупные планы на лица каждого из бандюков, начала судорожно соображать Степанида. – Зачем им Василий Трофимович понадобился? Да еще так, вызвать в тайгу? Ну, вообще-то...» На этом месте ее мысль забуксовала – разум отказывался принимать единственный напрашивающийся вариант ответа. – Да ладно! – убеждала она себя. – Да нет, не может быть!! Что, они его тут убивать собрались?»

И со всей возможной ясностью и отчетливостью вдруг поняла, чувствуя, как волна страха прокатилась холодом по позвоночнику и вниз по ногам до самых пальцев, – будут! Еще как будут!

Это браконьеры, и не из числа тех, кто постреливает иногда дичь без разрешения для дома-семьи или в компании друзей и так, с оглядкой и остороженько, – нет! Это отморозки полные, опьяневшие от денег и куража своей безнаказанности, способные убить кого угодно – тайга все скроет и спишет – ищи потом, общешься – пропал человек – и нет, сгинул!

Это такой тип людей, маргиналы конченные, которые кайф ловят от самой погони, охоты за дичью и готовы стрелять в кого угодно, когда угодно и сколько угодно в любой сезон, лишь бы за это отвалили хороший куш.

Эти даже на тигра ходят. Да что там даже – тигр их основной источник нелегального заработка. Туша тигра стоит офигенных денег! Просто офигенных! И китайцы, основные заказчики этих кошачьих, готовы выложить такие деньги в любой момент. И заказывают, суки, поощряют! Хотя не только китайцы.

А поскольку вся деятельность этой братвы не просто противозаконна, но уголовно сильно наказуема на нехилые сроки в местах весьма отдаленных, а уж за тигров так и вообще можно до трясушей старости сидеть, то понятное дело, что браконьеры эти глубоко криминальный элемент, готовые, не парясь никакими моральными и нравственными сомнениями, убить любого человека, вставшего на их пути. Любого!

А Славин не любой и не просто встал на их пути – он умудряется как-то их отслеживать и брать с поличным в момент охоты, доказательства бесспорные их деяний собирать и в наручниках привозит и сдает козлов этих не в городскую полицию, где каждый друг другу брат-сват да друг любезный и «замылить» могут любое дело, а в районную.

На минуточку, если учесть, что программа охраны и разведения уссурийских тигров находится на личном контроле у самого президента, то brave районные полицейские, а иже с ними и прокурорские, и судьи так дрожат за свои погоны и седалища, что с великой радостью

отправляют доставленных Славиным браконьеров под самые суровые статьи, не забыв присокупить к ним и нападение на егеря с огнестрелом при исполнении.

Василий Трофимович, как только занял пост егеря, на всю область объявил, громогласно и доходчиво, что на его территории браконьеров не будет и он повыведет их, как вошь. Предупредил и велел другим передать. Только за последний год он, иногда вдвоем с помощником, задержал и передал полиции три браконьерские группы по четыре-пять человек, две из которых были не местные, а залетные.

Неудивительно, что браконьеры люто ненавидят Славина! Люто! И они объявили ему войну. Насмерть. Говорят, что даже между собой награду за его ликвидацию назначили. Но это слухи, а может, и не совсем слухи...

Эти убьют. И ради того, чтобы уничтожить Славина, не задумываясь, могут положить и других людей. Они и спланировали всю эту историю с захватом научной экспедиции ради убийства Славина, чтобы заманить в лес и устроить ему засаду.

И бить будут как зверя – на движение, на шорох! Без разговоров и предупреждений – в спину, чтобы наверняка!

Они Михаила Евгеньевича, наверное, уже убили! Не шевелится даже! Стеша постоянно на него камеру наводит, присматривается, а он как неживой. Он этих сволочей в свое время, когда сам был здешним егерем, сильно прижимал, в него и стреляли сколько раз и ранили трижды, а уж грозили-пугали – и не счесть.

А их научная экспедиция очень «удачно» вписалась в планы этих бандюков! Хотя не было бы их – любую другую группу могли захватить: здесь и туристы-экстремалы частенько шастают, по рекам сплавляются, и людей, желающих отдохнуть от цивилизации, хватает, да и нормальных, законопослушных охотников. Группе просто не повезло.

И тут ее окатило, как кипятком, мыслью:

«А что они с ребятами сделают, после того как со Славиным расправятся?.. – и задохнулась от осознания: – Они же свидетели!..»

Стеша даже головой покрутила – ну не могла она поверить в то, что это возможно! Бред какой-то! Ну не может подобное происходить на самом деле!

Вот так просто, среди бела дня, пусть даже в лесу глухом, но в наше время – это же не гражданская война, не немцы же, в конце-то концов, – кто-то захватывает членов научной экспедиции и серьезно, реально собирается их...

– О, смотри! – загоготал один из бандитов внизу. – Леший наш, похоже, очухался!

Степанида глубоко вдохнула, задержала дыхание, зажмурилась сильно-сильно, справляясь с накатившим приступом паники, страха, отрицания и неверия в происходящее, и медленно выдохнула – надо держать себя в руках, никакого недоумения тупого, сомнений и паники!

Никакой!!

Нефиг, как девица нервная, тут рефлексировать! А ну взяла себя в руки! Может, не может! Есть реальность – вот она! Избитые мальчишки, стоящие на коленях, с руками, сложенными за головой, и бандюки!

Парни ее прикрыли, предупредили, как могли, специально громко кричали, дали ей возможность спрятаться, уйти, и сейчас она единственная, кто может что-то предпринять, чтобы спасти всех. Ну, не так героически-бравурно – спасти! Она все-таки не спецназовец какой кинематографический, что десятки врагов одной левой побеждает! Но сделать все возможное, чтобы предупредить Василия Трофимовича и попытаться помочь мальчишкам, она должна!

Что-то сделать!! Что-то же она может, обязана сделать!!

Степанида посмотрела вниз и поняла, что дядя Миша жив, пришел в себя и пытается сесть! Значит, не убили, живой! Ура!

Но радоваться оказалось рано.

Двое бандитов, подхватив под руки, протащили Куликова в центр площадки, где стоял их старшой, и швырнули на землю у его ног. Тот присел на корточки, ухватил лапищей дядю Мишу за бороду и подбородок и резко поднял его лицо, так, чтобы смотреть ему в глаза, намеренно сделав больно.

– Ну что, старый хрыч, отбегался? – спросил он и хмыкнул довольно. – Должок у меня, помнишь? Не рассчитались.

– Не одалживаюсь, – прохрипел Михаил Евгеньевич. – Жаль только, мало ты тюряги похлебал, Коля, не поумнел, смотрю.

Лицо у этого Чумы-Коли вдруг прямо мгновенно покраснело от прилившей крови, исказилось от ненависти, словно его смял кто-то огромной невидимой рукой, и он стал задыхаться от переполнявших его эмоций.

Резко поднявшись с корточек, главарь бандитов со страшной силой размахнулся ногой и ударил в лицо Михаила Евгеньевича настолько сильно, что того отбросило на спину и кровавая юшка вылетела из его рта волной по дуге и плюхнула на камни. А Чума как озверел и все колотил и колотил ногами уже бесчувственное тело куда попало! К нему подскочили еще двое, словно дикие псы, почувствовавшие кровь, и тоже принялись бить Куликова ногами... Стеше, оторопевшей от ужаса, даже показалось, что она слышит, как они по-щенячьи повизгивают от возбуждения и вида крови!

Как же страшно они его избивали! Страшно до жути!! Зверски!!

Она все снимала и снимала, сжав зубы, так, что аж желвакам стало больно, – снимала подробно, каждую деталь, приближая и удаляя картинку на экране, не отдавая себе отчета, что делает, не замечая слез, беззвучно катившихся по щекам, чувствуя, как колотится набатом в груди сердце! Она отпустила ствол дерева, за которое держалась свободной рукой, и сильно-сильно зажала ладонью рот, чтобы остановить, затолкать назад рвущийся из груди крик!

И тут к избивающим кинулся Витя.

– Прекратите! – прокричал он, ухватив одного из бандитов за руку и пытаясь оттащить его. – Что вы делаете?! Прекратите немедленно!!

И получил удар кулаком в лицо, а за ним сразу второй справа от «лося»-Быка, отлетел и упал на землю, и тут его догнал еще один удар ногой в живот.

Но, странное дело, это вмешательство каким-то образом пробилось через озверевшее сознание главаря, и он громко крикнул:

– Не трогать этого!

И, как шавки, получившие команду от вожака, двое бандитов сразу же прекратили колотить Витю.

– Он мне пока целый нужен со Славиным разговаривать, – пояснил Чума, посмотрел на распростертого у его ног, с залитым кровью лицом дядю Мишу, плюнул на него, перевел взгляд на Витю, лежавшего чуть поодаль, и бодрым веселым тоном распорядился: – Ну что, пора пообщаться с бравым егерем! Поднимите этого. – Он кивнул на Витю. – Пусть рацию достает и связывается!

Витю подняли, подхватив под руки с двух сторон, поставили на ноги и встряхнули.

– Где рация, защитничек? – почти нежно поинтересовался Чума.

Витя кивнул на один из рюкзаков, к которому тут же поспешил тот, что его ударил первым – мелкий такой, неприятный человек, весь какой-то дерганый, – и принялся рыться в мешке, достал зеленый ящик с рацией и, подняв повыше, продемонстрировал остальным.

– Давай настраивай и вызывай, – пихнув Тюрина в спину, распорядился главарь.

Степанида перевела дух, глубоко вдохнув, затем задержала дыхание, медленно выдохнув, резким движением вытерла слезы с щек и продолжила снимать.

– Кордон, вызывает Группа-1! – начал связываться со Славиным Витя.

Василий Трофимович, когда выдал им эту радиостанцию, сразу пояснил правила и порядок связи: никакой лишней болтовни, просто и ясно – кто кого вызывает, с какой целью; если это обычный сеанс связи – раз в день, в определенное время, то четко доложили: все в порядке, все живы-здоровы, стоим там-то, все идет по графику, и все. Если же это экстренный или незапланированный вызов, то тоже четко по пунктам: что произошло, что предпринимается и какая требуется помощь. Ну и позывные дал, назвав их «Группа-1», и пояснил, что могут еще какие-то группы отправиться в тайгу: лесники, поисковые команды, туристы, охотники, которые тоже имеют рации и могут связываться с ним, вот чтобы не было неразберихи, он их и станет нумеровать.

Ну а у него позывной один для всех – «Кордон», предложенную было Витей «Базу» Славина с усмешкой отверг, посоветовав молодому человеку поменьше смотреть кинематографических фильмов про бравых вояк.

– Кордон, вызывает Группа-1. Ответьте!

Витя Тюрин вызывал Славина уже минут десять. Чума отдал ему вполне четкие указания, как и что говорить, заставил повторить текст и только тогда позволил начать вызов.

Надо отдать должное – сволочи эти, захватившие группу, соблюдали строгую дисциплину, слушали главаря беспрекословно, с каким-то подобострастием, что ли, или страхом, и действовали грамотно, почти по-военному – «пост» наблюдателя выставили на всякий случай, двое охраняли Аркашу, Андрея и Игоря, стоявших на коленях с поднятыми руками, сложенными на затылке ладонями, а рядом с Тюриным находился только Чума.

– Кордон, вызывает Группа-1! – повторял Витя, поглядывая на бандита.

– Здесь Кордон, – отозвалась вдруг рация голосом Славина. – Почему экстренно на связь вышли, случилось что у вас?

– Да, Василий Трофимович! – обрадовался Витя и заторопился говорить, все поглядывая краем глаза на Чуму: – Михаил Евгеньевич сорвался с утеса! Сильно разбился, есть переломы, находится без сознания! – Он перевел дыхание, глянул еще раз на внимательно слушавшего его главаря и продолжил более спокойным тоном: – Мы вчетвером могли бы его вынести, но боимся заблудиться, не очень хорошо маршрут помним. Нужна ваша помощь, чтобы вывести нас отсюда.

– Кто-нибудь еще пострадал? – спокойно спросил Славин.

– Нет. Только Михаил Евгеньевич, – и добавил, вроде как извиняясь за старика: – Оступился неудачно и сорвался с Бараньего Лба, – и повторил: – Без сознания он, но в себя приходил несколько раз, говорит: «Не выйдете сами, заплутаете». Мы вчетвером посоветовались и решили, что надо с вами связываться, сами действительно не выйдем, да и выносить его надо как можно скорей, Василий Трофимович!

– Вас понял, – ровным голосом сообщил Славин. – Через десять минут выйду на связь, сообщу решение. Все. Отбой.

– Отбой! – почти радостно попрощался Витя, снял и положил наушники на стоящий рядом открытый рюкзак.

И получил неожиданно резкий удар в лицо, от которого скатился с бревна, на котором сидел, и упал на бок. Чума, подскочив к Вите, рванул его за шиворот наверх, усадил назад и заорал:

– Тебе кто позволил от себя что-то говорить?! Я тебя предупреждал?!

– Я от страха!! – заорал в ответ Витя, втянув голову в плечи и прикрываясь рукой. – Перенервничал и текст ваш забыл!! Что я не так сказал-то?! Все, как вы говорили, только другими словами!!

Чума замахнулся, но в последний момент бить передумал, отшвырнул от себя Тюрина и уселся назад.

– Ладно, – снизошел он. – Получилось даже лучше: жалостливо и с чувством. Посмотрим, поверил ли он.

– Он ведь с кем-то совещаться будет наверняка, – осторожно заметил Витя, усаживаясь назад на бревно и вытирая бегущую из уголка рта кровь. – Сообщит кому-нибудь о происшествии.

– Да по фиг, – отмахнулся Чума. – Даже наверняка с кем-то свяжется, с эмчезниками или экстренной медициной. Но это в области, чтобы вертолет прислали или еще что, – и усмехнулся. – Да только х... это все, и Славин это знает, – и расщедрился пояснением Тюрину: – Ты думаешь, почему мы вас именно на этом маршруте пасли и взяли? Да потому что посмотри. – И он описал рукой полукруг вокруг себя. – Это гиблое место, сюда только пешочком на своих двоих и никак иначе: рекой не пройдешь ни сверху, ни снизу против течения – пороги, транспорт любой даже не смешно, хоть БТР с танком, никто не пройдет, а вертолет не подлетит – крутые скальные холмы, обрывы, тайга, тут никакая эвакуация невозможна.

– Но ведь он кому-то сообщит о происшествии, – так же осторожно напомнил Тюрин. – И власти будут об этом знать.

– И что? – хохотнул весьма довольным Чума. – Ты про то, что вас искать начнут и на нас выйдут? Забудь, пацанчик! – и расхохотался, аж голову откинул, посмеялся от души и благостно объяснил реалии: – Ты сводку погоды смотрел?

– Конечно, – пожал плечами Витя.

– Небольшой дождь, да? – продолжал веселиться Чума.

– Ну да, – кивнул настороженно Витя.

– Правильно. Только это здесь, а выше, в горах, ливни, а это значит сход большой воды. Да вам-то это и ни за каким...м не сдалось. Встали бы лагерем в удобном месте, а реку с высокого берега обмеряли бы. – Тут он сделал наигранно-скорбное лицо. – Да только дядя Миша ваш поломался, и теперь вы вынуждены у реки стоять и ждать помощи. Люди вы городские, для леса неприспособленные, разбили лагерь прямо у берега, чтобы пострадавшего лишний раз не тревожить, а ночью вас большой водой и накрыло, кинулись друг дружку спасать, да все и утопи, попав в непредсказуемую стихию, – и развел безысходно руками. – Тайга, тут всякое бывает. А егерь ваш, что утром пришел, тоже спасти хоть кого попытался, но пропал неизвестно где. Сгинул.

– Но... как вы... – попытался спросить Витя.

– Узнал про ваши маршруты, работу и планы? – догадался Чума и отмахнулся: – Да не смеши! Мы местные, вы приезжие, московские, в деревне на постое, да про каждый ваш чих мне становилось известно раньше, чем вы чихнули. Куда пойдете, какие задачи, маршруты, планы, дела, с кем из местных бабонек спите, да и как их оприходуєте, знаю – делятся девки-то наши впечатлениями. Жаль, конечно, что начальница ваша на заимке поселилась и планы порой меняла по своему усмотрению, но не в этот раз.

Степанида боялась даже дышать громко. Чума с Витей расположились практически под деревом, на котором она сидела, и, слушая весь этот разговор, продолжая снимать, пыталась придумать, как действовать.

Все, что говорил этот мужик, было правдой, и про сход воды, превращавшийся в стихию, и про то, что сюда, кроме как пешком, никак иначе не добраться, и про то, что вертолет даже близко подлететь в эти места не сможет. А еще она точно знала, что Славин никаких помощников и службу спасения ждать не станет и сам отправится за группой. Один.

Все правильно рассчитала эта сволочь. Все правильно! Кроме одного момента!

– Группа-1, здесь Кордон. Ответьте, – раздался голос из радиостанции.

– Да! – схватив и торопливо надевая наушники, ответил Витя. – Группа-1 слушает, – и добавил: – Василий Трофимович.

– Выхожу к вам, – информировал ровным голосом Славин, – сообщите, где находитесь.

Витя быстро посмотрел на Чуму, тот кивнул.

– В районе Бараньего Лба, только отошли немного от реки в сторону, пока здесь стоим.

– Понял, – ответил Славин и распорядился: – Становитесь лагерем и ждите, найду вас сам. К утру буду. На связь выходите, если еще что-нибудь случится. Все. Отбой.

– Отбой, – тихо повторил Витя и как-то потерянно посмотрел на наушники, которые стянул с головы, перевел взгляд на Чуму и произнес: – Он придет.

– Я слышал, – хохотнул тот.

Главарь поднялся с бревна и обратился к своим браткам:

– Он идет на помощь деткам! Рыбка клюнула!

Братва отреагировала нестройным радостным матом.

– Все, сворачиваемся здесь, собираемся и уходим. Надо место найти и лагерем встать, – распорядился он, посмотрел на часы и принялся рассуждать вслух: – Так. Идти ему хорошим ходом, а он будет идти именно так, поспешит, медикамент и инвентарь небось прихватил, часов шесть-семь, а это значит, часам к десяти вечера. Не, не пойдет он по темноте, ночевкой встанет, дальше двинется по серости утречком. Значит, ждем на рассвете.

– Слышь, Чума, – окликнул его Бык, стоявший у неподвижного тела дяди Миши. – А с этим что делать? – И он пнул проводника ногой.

– Живой? – спросил главарь, направляясь к нему.

– Не-а, сдох, по-моему, – задумчиво ответил Бык «лосистый».

– Так проверь! – шумнул на подручного Чума.

Бык присел на корточки и приложил два пальца к залитой кровью шее Михаила Евгеньевича, пощупал, сделав сосредоточенное лицо, и покрутил отрицательно головой.

– Не. Дохлый.

Стеша задыхнулась от этих слов, произнесенных с таким ужасающим безразличием. Дядя Миша умер? Неужели больше нет Михаила Евгеньевича? Известного Лешего? Что, действительно эти твари его убили?..

Она навела камеру на недвижимое тело, приблизила максимально картинку и все всматривалась, всматривалась в это залитое уже засыхающей коркой кровью лицо.

– Скиньте эту падаль вниз, – брезгливо скривившись, распорядился Чума и отошел в сторону.

– Моченый, подмогни! – позвал Бык кого-то из подельников.

К нему поспешил тот самый щуплый мужичок с лицом, напоминавшим крысиную морду. Он казался беспокойной крысой, все присматривающейся ко всему вокруг, что-то беспрерывно вынюхивающей и нервной, находящейся постоянно в движении. Уж какой он там Моченый – не ясно, но Крысой он был точно!

Бык с Крысой этим схватили Михаила Евгеньевича за руки и потащили к краю обрыва.

– Постой! – крикнул вдруг Быку Чума, вспомнив о чем-то, и поспешил к ним, а подойдя, объяснил: – Надо карманы его проверить. Он всегда патроны по карманам рассовывал.

Стешу чуть не вырвало, когда она наблюдала, как эти двое выворачивают и потрошат карманы Куликова, переворачивая его тело, как пустую никчемную куклу.

– Рюкзак-то снять? – спросил у старшего Крыс.

– Нет, – отрезал тот и добавил: – Ничего не трогайте, застегните все пуговицы и поправьте рюкзак. Патроны только возьмите.

Даваясь слезами и рвущимся из глотки воем, Степанида продолжала снимать. Вот всякие мелочи – папиросы, зажигалку и спички, холстину платка, что-то еще – бандиты растолкали по карманам, из которых только что все это вытащили, застегнули все пуговицы на Михаиле Евгеньевиче и уж собрались подхватить его, когда раздался начальственный голос Чумы, стоявшего возле Вити, упаковывавшего и убиравшего радиостанцию в рюкзак.

– Поторопитесь! Да не забудьте пацанам этим руки связать. И быстрее, уходить пора!

Бык с Крысом смотрели в сторону Чумы. А Стеша продолжала снимать Михаила Евгеньевича, словно прощалась с ним, и вдруг...

Вдруг он пошевелился!!

Она сжалась вся, словно прыгать собиралась, подалась вперед, безотчетно все нажимая на кнопку приближения картинки, не понимая, что уже и так максимально ее приблизила, и всматривалась, всматривалась в тело дяди Миши!

Вот!! Вот точно!! Еще раз пошевелился! Рукой двинул!

Бандюки о чем-то переговаривались с главарем и не видели этих движений, а она, не слушая и не понимая, что они там говорят, принялась шептать, уговаривая.

– Ну, давай, давай, миленький, живи!! – все шептала и шептала она.

И увидела, как он немного сдвинулся, переместился и поменял положение ноги! Живо-о-ой!! Живой!!

И тут... Сволочи эти разговор закончили, повернулись к телу, ухватили его за руки и потащили дальше к самому обрыву. И в этот момент до Стеши окончательно дошло, что сейчас случится!

У нее отхлынула вся кровь от головы и стало холодно и страшно! И непередаваемо захотелось заорать во все горло, остановить этот кошмар!!

Бычара перехватил дядю Мишу за талию, подтащил к самому краю, выпрямился и, подтолкнув ногой, скинул с обрыва!!

Она все-таки взвыла! Не удержалась! Страшно так, утробно завывала! Смотрела, как, перекатываясь, исчезает с обрыва тело дяди Миши, словно в замедленной съемке, называемой в кинематографе «рапид», – вот чуть задержалось на самом краю на пару секунд... перевалило за край и исчезло – и она взвыла от ужаса и безнадёги черной!!

Ее спасло только то, что закричали все ее парни. Так же, как она, внимательно наблюдавшие за этой страшной казнью. Только это и спасло.

Но двое бандитов, Крыс и третий, еще никак не обозначенный ею по имени, кинулись к мальчишкам и принялись их колотить кулаками по лицам.

– Отбой! – резко остановил их Чума. – Успеете. Им еще лагерь ставить и жарчку готовить.

– Не, ну ты смотри, вот же сволочь! – весело проорал Бык, наклонившийся над обрывом и внимательно там что-то рассматривавший, повернулся к Чуме и, указывая пальцем на реку, пояснил: – Попал в карман глубокий, даже ни разу ни о какой камень не ударился! Прикинь! Один-единственный колодец глубокий, и он туда... стремнина подхватила и вниз тащит!

– Так даже лучше! – отмахнулся Чума. – Протащит по порогам, выкинет где-нибудь у «Банки», как обычно, а может, и раньше. Если зверье не схарчит и найдет кто-нибудь, факт несчастного случая налицо: и рюкзак при нем, и все вещи, а винтарь потерял – уж извини, – хохотнул он под конец этой прочувствованной речи и, резко сменив тон на угрожающе-приказной, будто пролаял: – Ну, что застыли?! Быстро встали все и вперед!! Бегом, я сказал!!

Стеша все снимала и поторапливала бандитов мысленно – ну действительно, скорей, что вы копаетесь?! Валите отсюда!! Она теперь точно знала, что надо делать! Абсолютно ясно знала!

Когда их научная группа приехала сюда и ввалилась к Василию Трофимовичу на кордон с несколько нагловатой заявкой, что они тут работать и жить собираются, Славин посмотрел так особенно, ухмыльнулся и... и почти послал. Пояснил потом, после бурного возмущения младшего научного состава экспедиции в лице трех студентов и аспиранта Тюрина, что, собственно, он-то егерь и вполне себе официальный, на должности и окладе, да вот только кордон этот и все постройки на нем, как и большой участок земли, на котором все располагается, его частная собственность.

И поэтому кого принимать тут в гостях, а кого нет, решает только он. А министерской бумажкой, которой студенты трясли, он предложил воспользоваться с другой, более приклад-

ной, скажем так, целью. Степанида расхохоталась от души: так понравилась ей эта спокойная отповедь сильного человека и вытянувшиеся рожи ее подчиненных. А Василий Трофимович улыбнулся ей в ответ и предложил остаться проживать у него, «встать на постой», как он тогда выразился.

Парни было дернулись, что-то там нехорошее заподозрив, он их остудил строго так, до потрохов, а Степанида с благодарностью приняла приглашение.

Дело в том, что она знала об этом человеке нечто, что было известно сильно-сильно ограниченному количеству людей, и абсолютно Славину доверяла. Для чего имелся очень, ну очень веский довод. Поверьте.

Главное, что сейчас эти вот знания о Славине давали ей стопудовую уверенность, что ни в какую ловушку, так прекрасно, как бандитам кажется, расставленную, он не попадет! Витя Тюрин, замечательный, героический парень, смог его предупредить! А уж как обыграть этих уродов и мальчишек выручить, Василий Трофимович придумает!

Обязательно! В этом Степанида была теперь уверена абсолютно!

А ей надо спешить!! Не просто спешить, нестись со всей быстротой, на которую она способна!! И она все торопила и торопила мысленно бандитов, подгонявших, в свою очередь, навьюченных поклажей, как тягловые ослики, парней впереди себя, длинной цепью удаляясь в глубь лесного массива, обходя каменную гряду слева.

Когда фигура последнего бандита скрылась между деревьями, Степанида закрыла глаза и заставила себя спокойно досчитать до пятидесяти.

– Пятьдесят! – вслух закончила она счет и начала торопливо слезать с дерева.

Обдирая руки и не замечая этого, она съехала по стволу, спрыгнула, прислушалась к своему телу: удачно – ноги не отбила и не подвернула. Постояла несколько секунд, прислушиваясь к звукам леса, и рванула вперед. Вытащила из расщелины свой рюкзак, стряхнула от листьев и хвои, убрала в него камеру, надела, застегнула на животе и груди фиксирующие ремни, немного попрыгала – нормально сидит: не гремит, не елозит, по спине не бьет.

«Все, все!! – подгоняла она себя! – Быстрее, быстрее!»

И побежала к реке.

Тимофей затянул завязки и застегнул свой стильный, навороченный кожаный рюкзак зашибись какой известной марки и стоимости соответственно. Все эти понты шмуточные и пафосные про крутые марки одежды и атрибуты богатой жизни всегда вызывали в нем только снисходительный сарказм, но справедливости ради надо отметить, что на самом деле качественные вещи – это комфортно, в частности рюкзак удобный, в самый раз для таких вот сборов и поездок. Тимофей переставил рюкзак на нижнюю полку и вышел из купе в коридор.

Это все Катька. Она обожала покупать ему дорогие фирменные вещи и всякий раз воспитывала, когда он начинал отнекиваться и ворчать по этому поводу:

– И нечего выступать! Ты себе все равно ничего не покупаешь, тебя ни в какой магазин не затащишь, ты магазины вообще не воспринимаешь, для тебя это всего лишь декоративный фон города! Кто-то же должен вещи приобретать, не в портках же дырявых тебе ходить! К тому же я на твои денежки покупаю, чтобы ты не бухтел тут лишний раз!

Ну, вообще-то его такое положение дел вполне устраивало: магазины он и на самом деле своим появлением не баловал и шопинг как таковой не воспринимал в принципе, да и не имел на него времени и возможностей. Катька же знала назубок все его размеры, вкусы и пристрастия и даже капризы в одежде, а с недавних пор к ней присоединилась и Сонька. И тащили они ему шмотье всякое из разных заграниц, да и московские бутики вниманием не обделяли.

– На фига мне столько барахла?! – негодовал Тимофей. – Мне его никогда не выносить! – и призывал: – Девки, остановитесь, я ведь не тусовочный парнишка и не бомондный бонвиван.

– Ничего! – встревала Сонька со своим «пятак» воспитательным. – Еще никому приличный прикид не мешал. А тебе, дядь Тим, и подавно, ты ведь у нас молодой, холостой, тебе барышень кадрить требуется, тем паче что ты себе все больше временных и дорогих подбираешь, а они девушки капризные, в первую очередь оценивают по одежке, часам, обуви и кошельку!

Да уж! Где-то она, конечно, права насчет девушек – именно так: временных, упакованных, из богатой тусовки, но при этом любящих денежки до своего совершенно облегченного поведения за сильно тяжелые суммы, в основном в виде ресторанов и подарков в процессе ухаживания, хотя многие не гнушаются и деньгами брать при всей своей навороченной виповской недоступности. Кстати о часах: Сонькин любимый папаша тоже в жизни Тимофея отметился, вручив на день рождения нечто охренительно настоящее, дорогущее и швейцарское.

– Ты офигел, что ли, Кирилл? – прибалдел Тимофей, рассматривая подарок. – Я, конечно, не самый крутой ценитель, но сколько это стоит, знаю.

– Наплевать! – отмахнулся Бойцов. – Давно задумал что-нибудь стоящее тебе преподнести. – Обнялись, похлопали по спинам друг друга, и Кирилл, отстранившись, пошутил: – К тому же ты Соньку в клубешники сопровождаешь, должен марку держать ее загадочного богатого кавалера, чтобы не приставали к дитю идиоты.

Сопровождает, это да, только случается такое совсем не часто – в его короткие, всегда незапланированные отпуска и редкое свободное время.

Да, только почему-то Тимофей стал все чаще и чаще сбегать от любимой семьи. Вот такие непонятные дела.

Как и в этот раз. И всю дорогу – самолетом, потом вот поездом – он думал, почему так. Что тащит его куда-то? Что тревожное, непонятное в душе толкает его на эти разъезды в отпусках, и без того коротких, ненормированных, из которых его, как правило, умудряются отзывать раньше времени?

Ведь эти люди – его семья. Единственная и бесконечно любимая. Это его родные, самые близкие – все, ну, Катька это понятно, но и Кирилл, и Макс с Сонькой, и малыши, и Валентина. И он так редко их видит, скучает по ним и при любой возможности старается приехать хоть на пару дней. И тем не менее вот уже который раз за последние два года Тимофей ловит себя на том, что, пробыв с близкими несколько дней, начинает маяться непонятно чем, переживать какой-то внутренний раздрай, чувствуя неясное беспокойство, и находит повод куда-нибудь уехать – путешествовать по стране, навестить друзей да и просто на море поплавать-позагорать, девушек-красавиц поснимать.

Что это? Может, как его там кличут по-научному, кризис среднего возраста?

А вот хрен знает. Тимофей решил не анализировать до поры, ну несет и несет его из дома от родных какая-то нелегкая – переболеет! Помается, и устаканится все, лучше махнуть рукой на данные трепыхания и плыть по течению.

Вот и в этот раз сорвался через пару дней отпуска, проведенных в кругу семьи, и отправился через всю страну на Дальний Восток, аж в тайгу, туда, где тигры известные проживают. Не в сам Уссурийский заповедник, но рядом, в еще более непролазные места.

Правда, на этот раз повод приехать сюда имелся веский. Более чем! Даже не повод, а дело глубоко святое – его командиру исполнялся полтинник. Юбилей.

Его первому командиру. Когда-то они с мужиками шутливо пообещали, что в этот юбилей соберутся все вместе и устроят командиру настоящий кутеж по всем правилам разрушительной мужской пьянки!

Поезд дернулся, замедляя ход, и Тимофей вернулся в реальность, задвинув подальше, до следующего раза, свои тревожные размышления, вызывающие чувство непонятной вины. Поезд все притормаживал, и вот он уже ползет мимо перрона, на котором Тимофей увидел Славина. Поезд затормозил, дернулся всем своим длинным телом и остановился окончательно.

– Ну что? – бодрим тоном отдыхающего, находящегося в предчувствии ожидающего его большого веселого отдыха, обратился Тимофей к попутчикам по купе. – Давайте прощаться! Приятно было познакомиться! Замечательно провели время. Доброго пути всем.

– Как жаль, что вы выходите! – по-настоящему расстроено заметил один из попутчиков, импозантный мужик среднего возраста, строитель, который ехал в гости к дочери.

Его дружно поддержали остальные двое пассажиров – семейная пара из Хабаровска. Ну, конечно, жаль! Всем всегда жаль расставаться с Тимофеем уже после первых же пяти минут общения, когда он включает свое обаяние и юмор пусть даже всего на пятьдесят процентов, то есть так, «вполноги» и совсем не парясь.

Душа любой компании, балагур, весельчак, знающий невероятное количество анекдотов на все случаи жизни, играет на гитаре и поет песни на любой вкус, а уж как рассказывает удивительные житейские истории – заслушаешься! И каждому человеку дает то, чего он ожидает: женщинам тонкие комплименты, а мужикам – не менее тонкие уважуха и внимание к их рассказам о жизни, о своем наболевшем и сочувствие искреннее.

Все! Всегда убойно! В десятку, и вся публика его с потрохами – лю-ба-я! – до готовности со слезами умиления поведать все свои тайны и выдать компромат, даже такой, что бояться рассказать самим себе. Когда Саргину было нужно, он умел влюбить в себя любого и перевоплотиться в кого угодно.

Просто мало кто видел его в иной ипостаси. Но это совсем о другом.

Закинув рюкзак на плечо и легко подхватив тяжелый армейский баул в другую руку, Тимофей помахал оставшимся попутчикам, прошагал в тамбур, улыбнулся милой проводнице, тоже сильно опечаленной, что он выходит, и прыгнул на платформу.

– Ну что, Леночка, до свидания! – многозначительно добавил: – Может, увидимся еще! – и помахал ей рукой Саргин.

– До свидания, – отозвалась проводница, вздохнув грустно: зацепил ее пассажир этот веселый, ой зацепил, и думалось полночи о нем, ждалось чего-то, но он не пришел в ее проводничье купе...

Тимофей махнул еще раз и направился по перрону к Славину, стоявшему в расслабленной позе отдыхающего наблюдателя – привалившись плечом к опоре навесной крыши, скрепив руки на груди, закинув ногу за ногу с обманчивым выражением скуки на лице.

Тим хмыкнул про себя: «Узнаю командира – «я не я и хата не моя», видите, отдыхаю! Всегда вроде как не при делах и случайно тут образовался».

И пока приближался, все присматривался к нему повнимательней – такой же подтянутый, стройный, явно в форме, никакой расслабухи гражданской, никакого оплывания телом – не раздобрел, не растерял тонуса жизненного да и выглядел хорошо – моложаво, не на свои года, уж точно.

Выхватив взглядом Тимофея из толпы, Василий Трофимович тут же преобразился и двинулся навстречу стремительной, удивительно красивой походкой, чем-то похожей на движения хищника, полной грации и скрытой силы.

Они встретились, посмотрели пару секунд молча в глаза друг другу, хлопнули ладонями, сжав их в замок, притянули друг друга, сильно обнялись, постояли так, Тимофей аж глаза прикрыл от нахлынувших эмоций. Отпрыгнули, не расцепив рук, посмотрели снова друг другу в глаза.

– Ну, привет, Тимыч! – разулыбался Славин.

– Привет! – улыбался в ответ всюю радостно Тимофей. – Привет, командир!

Снова обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

– Приехал-таки, чертушка, – довольно ворчал Славин, прижимая друга к себе.

– А как же! – рассмеялся легко Саргин, отстранился от него, снова разглядывая с удовольствием. – А ты надеялся без меня полтинник свой отметить? Э-э, нет! Я за широту гуляний всегда первый, ты ж в курсе, командир! К тому же обещали!

– Да, – кивнул Славин, перестав улыбаться, нахмурился. – Только из тех обещавших вас двое осталось.

– Ничего, – хлопнул его по плечу Тимофей. – Парни с нами.

– С нами, – кивнул Славин и другим тоном, бодрым и деловым, предложил: – Ну что, идем? Карета ждет.

– Однако ты патриот, командир! – весело протянул Саргин, когда Василий Трофимович подвел его к своей машине – «УАЗ Патриот» улучшенной комплектации.

– А по нашим местам никакой иностранец не пройдет, – усмехнулся Славин, распахивая багажник. – Да и на фиг никому здесь не сдался, ты в тайге запчастей на него не найдешь и бензоколонки на каждые сто километров, чтобы «прокормить».

Тимофей быстренько покидал в багажник вещи, захлопнул и сел на переднее пассажирское место, рассматривая «начинку» машины.

– Ну да, – подтвердил Славин, усаживаясь на водительское место и заметив этот интерес. – Я тут его немного подшаманил. И комплектацию, можно сказать, несколько улучшил: кое-что усилил, кое-чего добавил. Ну, потом сам посмотришь.

– А откуда «дровишки»? – посмеиваясь, обвел рукой машину Саргин.

– Машину особой комплектации, скажем так, помогло бывшее начальство приобрести, ну и начинку кое-какую подкинули, – с хитринкой глянул на него командир, завел машину и стал осторожно выезжать со стоянки.

– Кое-какую! – рассмеялся Тимофей, указав на мощную военную радиостанцию, укрепленную в корпусе. – Ты что, контору любимую раскулачил?

– Так а как иначе! – подивился с наигранной простотой Славин. – Из колхозу и без зерна?

– Это-то да, – согласился Тим и уточнил: – А чем еще из «зерна» прибрахлился?

– Увидишь, – загадочно хмыкнул Славин.

– Ну, ты расскажи, как ты вообще тут обустроился, Вась, какие дела у тебя, как живешь? – искренне заинтересовался Тимофей. – Прижился, нравится? Говорят, заимкой личной, хозяйством обзавелся, оседлый образ жизни ведешь?

– Есть такое дело, – довольно подтвердил Славин.

– Ну, так давай, поведай, дорога-то, я так понимаю, длинная.

– Дорога длинная, – кивнул Василий Трофимович. – Расскажу.

Пять лет назад Василий Трофимович получил ранение левой руки – хреновое ранение: разнесло гранатой, казалось, что в клочья. Врачи долго над ним колдовали, руку спасли и даже сохранили в рабочем состоянии, вернув многие функции – многие, только не те, что требовались в его профессиональной деятельности.

То есть для обычной жизни, быта и работы вполне достаточно, пусть и с ограниченными движениями, а вот поврежденные сухожилия и нервы навсегда перекрыли возможность вернуть былую форму.

Проще говоря, отсутствие мгновенных реакций и способности к боевому применению – борьбе, стрельбе, силовым упражнениям. Все!

Василий Трофимович Славин, командир группы особо засекреченной специальной роты спецназа ГРУ, большую часть жизни проводивший на службе и обладавший уникальными физическими и интеллектуальными способностями, вынужден был смириться с тем, что руководить боевой группой он уже не сможет.

Начальство плакало вместе с ним от такой засады, но, увы, потери в их работе дело тяжелое, горестное, но случающееся. Живой остался, и это уже победа.

Помаялся Славин с годик на штабной работе, куда отправили его с присвоением очередного звания – ну, интересно и мозги работать заставляет, но настолько это не его, хоть вой – он же кадровик боевой!

Он и взвыл! И началась у мужика маята душевная! Что только не предлагали ему – и преподавать на спецкурсах для офицеров ГРУ, и преподавать в профильном военном училище, в конце концов, хоть инструктором пойти – ну нет, нет! Все не то – тошно, муторно! Прямо за горло лапой, перекрывая кислород, душила тоска!

Себя извел, руководство до белого каления достал. Если б семья имелаась, может, ради нее и перетерпел бы как-то этот самый тяжелый, корежащий период перехода в мирную жизнь от боевых будней, и, глядишь, преподавать начал бы, кстати, зарабатывал бы неплохо, поскольку таких специалистов, как он, в стране не больше пары десятков найдется, а то и меньше – государственная тайна.

Да только не было семьи. Вот не получилось.

Девушкой не обзавелся, пока учился в военном училище, и не женился, как старались делать другие курсанты к окончанию учебы, зная, что ушлют куда-нибудь «мама не горюй», где, может, не то что женщин нет, а вообще людей не сыщешь. Так холостяком и уехал по первому месту несения службы.

Ну а там как началось!

Год из казармы не вылезал, а потом понеслась нелегкая по стране – кооперация, перестройка, потащившая за собой все, какие только можно, межнациональные конфликты, и злые дядьки забугорные с умыслами нехорошими против страны родной...

Женился в тридцать лет. Получил после ранения отпуск и по пути домой остановился у московского сокурсника по училищу, строившего свою карьеру в штабе. Ну, загуляли так не хило, по-армейски, и где-то посреди этого кутежа возникла девушка в его постели – подруга двоюродной сестры однокашника, – кажется, так. Повеселились они с ней трое суток, а на четвертые Славин проснулся, посмотрел на спящую девушку и решил – женюсь. А она возьми да и согласись. Вот и повез молодую жену к родственникам в поселок городского типа – село селом – на Дальнем Востоке. Познакомил, даже свадьбу там отгуляли...

И вернулись – он на свою войну, жена молодая в Москву к родителям. Ничего, иногда встречались и спали вместе, пока она нормального мужика не встретила, в том смысле нормального, что в семье, рядом, каждый день, а не черт знает где и которого ждать почему-то требуется в гарнизоне задрипанном, ну и без денег, само собой, ибо отстрельные девятностые годы и армия как-то в нашей стране плохо монтировались, хорошо хоть самую элиту этой армии не успели до конца угробить, деятели хреновые!

Мирно развелись без претензий в полном взаимопонимании. Больше он не женился. Работа занимала всю жизнь, да и не встретил своего человека.

Помаялся так Славин, попробовал то там, то сям поработать да и подал рапорт об увольнении в запас. «А к черту, – решил, – поеду домой, отдохну первый раз в жизни по-настоящему, никуда не торопясь, высплюсь, надышусь родным воздухом, глядишь, может, и придумаю, чем дальше заниматься. А не придумаю, там посмотрим».

А дома батя один только от всей семьи и остался. Хозяйство, правда, справное, держал в порядке и достатке, спасибо Василию Трофимовичу, большую часть своих заработков ему отправлявшему все эти годы, – сад-огород, живность всякая, еще и сыроваренка небольшая, но доходная, сыры наладили очень достойные выделявать, аж из города приезжают покупать.

Отходил от раздвоя душевного Славин недолго – отоспался, как и мечтал, в тишине и звенящем спокойствии под комариный писк да лягушачий квак с реки, как под изысканную музыку, с отцом на рыбалки-охоты сходили, в лес по грибы-ягоды и просто погулять-подышать, по хозяйству помог с удовольствием... и загрустил – дела толкового нет, так, чтобы на душу легло – вот как не было, так и нет, и применить себя некуда!

Но за таких мужиков, как он, видимо, кто-то там наверху молится да приглядывает, не иначе! Случай помог.

Прибегает как-то к Славиным во двор сосед дед Матвейч да кличет их.

– Мужики! – кричит нервно. – Слышь, Трофимыч!

– Чего случилось-то, Матвейч? – вышел отец на крыльцо, а за ним и Василий подтянулся.

Оказалось, заехали охотнички городские залетные в гости к одному из соседей. Богатые, по всему видать, да дурные от чувства денежной вседозволенности, вечером попарились, посидели за столом, «понакидались» водки, а с утраца на охоту отправились, а лицензий ни у кого. Матвейч было сунулся останавливать и вразумлять, так чуть по зубам не отоварили. Так они ж, гады, бить собрались все подряд, за трофеями, говорят, да соревнование устроить.

– Так ты чего к нам-то? – спросил отец. – Бежал бы в полицию, звонил в район, что, мол, браконьеры приехали.

– А-а-а! – с досадой махнул рукой Матвейч. – Ты ж знаешь, Трофим, что мазано все меж своих и богатых, к тому же они-то оттудова как раз и богатеи. Значит, все у них там куплено!

– Ну, а мы чего? – допытывался батя.

– Ну... – замялся вдруг сосед и посмотрел смущенно на Славина-младшего. – Василий-то твой военный бывший, все в поселке знают, что десантник, ну из этих войск, которые драться горазды, может, он бы их этого... припугнул-шуганул как-нибудь? А?

– Ну, ты даешь, Матвейч! – возмутился Трофим Ильич.

– А охотничков-то сколько? – скучающим тоном, как бы между прочим поинтересовался Славин, в расслабленной позе развалившись на ступеньках крыльца, вытянув вперед ноги и покусывая травинку.

– Дык вот! – вздохнул огорченно дед, развел руками жестом бессилия и признался: – Четверо.

– А схожу-ка я, батя, в лес, прогуляюсь, что ли, – лениво размышлял вслух Василий, не сдвинувшись с места.

– Да ты что?! – возмутился отец. – Четверо козлов с винтарями и под бодуном?

– А-а, – отмахнулся сын. – Посмотрю только.

Мужиков повязанных он довез в административный центр округа, сдал куда и положено, заявление честь по чести написал, ну и предупредил в приватной беседе следователя, что лично проконтролирует наказание этих голубцов. И так ему душевно стало хорошо – от прогулки по лесу, от разминки с этими горе-охотничками, попытавшимися сопротивляться, пыжиться и угрожать. А следователь тяжело вздохнул и принялся жаловаться на браконьеров бесконтрольных, на то, как сложно их выловить, да еще доказательную базу собрать и предъявить, на то, что егерей единицы, а уж таких, кто борьбу с этими упырями ведет, по пальцам посчитать – боятся, стреляют же гады и убивают, семьям угрожают. Все как на войне.

Вот на этом моменте наш боевой товарищ и встрепенулся с интересом.

И отправился он узнать поподробнее о делах местных в администрацию. Выяснил, разузнал и... связался со своим бывшим начальством, попросив через их каналы собрать всю возможную информацию по данному вопросу.

Уже через неделю к дому Славиных в поселке подкатил представительный джип «кру-зак», из которого вылез крутой краевой чиновник в сопровождении мужика в форме природоохраны и двух мордоворотов.

Начальство Василия Трофимовича расстаралось – настоящую его квалификацию и специфику бывшей работы, понятное дело, никому не сообщали, это совершенно и наглухо засекреченная на долгие годы информация, но намекнули прозрачно, что он многое может, ну и посоветовали душевно пригласить к сотрудничеству.

Не просто пригласили – умоляли и давили на патриотизм, обещая самые обширные полномочия и всяческие преференции.

В результате переговоров на следующий день Славина повезли в тайгу показывать бывший егерский кордон, спаленный браконьерами после того, как прошлого егеря подстрелили крепко и он попал в больницу. Не было хозяйства, считай, что вовсе: дом – головешки, одни уж бурьяном поросшие, да и подсобное погорело все.

– Ну нет у нас денег восстанавливать его! – почти рыдал представитель Министерства природопользования. – Средства выделяются неплохие, но в основном на развитие Уссурийского заповедника и охрану популяции тигра. А эти места уже не входят в территорию заповедника. В нем всего-то четыреста километров квадратных, но беда в том, что ареал распространения тигров все девятьсот километров. Как раз у вас тут он и появляется чаще всего! А браконьеры здесь и ждут! Да и не только в тиграх дело! Не одни они в Красной книге! Но быют же, сволочи, всех подряд, и во время отела, и во время гона, и самок беременных! Да и вообще, лесу хозяин нужен, охранник радивый!

– Ну а жить-то вашему радивому где? – усмехнулся пламенной речи Славин.

– Во-о-т с этим... – развел удрученно чиновник руками.

– А все это хозяйство и земля на балансе Минприроды? – поинтересовался Славин.

– Ну да, – кивнул озадаченно мужик.

– Если на восстановление средств нет, купить-то все это добро можно? В частную собственность перевести? – словно размышлял вслух Василий Трофимович. – Скажем, с каким-нибудь заковыристым пунктом в документах, не разрешающим тут масштабное строительство или еще какие непотребства и нецелевое использование, а эксплуатацию и проживание исключительно как кордона. Мне бы подошло.

– Отчуждение земель? – задумался дядька и покрутил головой. – Сложно это, долго, да и не положено, лесные угодья, государственная собственность...

«Звонок другу» в лице бывшего руководства Славина, и сложное превратилось в реальное – земля и строения на ней стали частной собственностью Василия Трофимовича, в приобретении которой помогла бывшая контора и накопленные им за время службы средства.

Все. Его целиком и полностью, с правом наследования и без права любого вида деятельности и использования, кроме как целевого. То есть если и не будете работать егерем, жить и пользоваться можно, а вот все остальное нельзя.

К тому же прилетал кое-кто из его бывших руководителей, имел с Василием Трофимовичем долгую приватную беседу, после которой оба остались друг другом очень довольны. А Славин заимел еще одну профессиональную занятость, скажем так: по профилю бывшей работы в виде внештатного сотрудничества – инструктором по выживанию в дикой природе.

Ему по кайфу. Присылают несколько ребятков, вроде как официально «стажеров егерей» из «Лесного университета», а он их гоняет по лесам-горам диким по определенной программе выживания и расставленным им хитрым ловушкам.

Ему нравится – нормально, все по сердцу и вроде как снова при деле живом, и навыки его востребованы. Правда, учиться многому пришлось, и быстро. Пока дом-хозяйство строились-возводились, он поселился у бывшего егеря, проживавшего в соседней деревне, – Михаила Евгеньевича Куликова, в народе прозванного Лешим за любовь и знание леса и умение ходить по нему совершенно неслышно. Именно его тогда подстрелили браконьеры и, пока егерь в больнице отлеживался, спалили все хозяйство.

Леший Славину обрадовался, а побеседовав подробно, так и вовсе за своего принял и щедро делился бесценными знаниями о местном зверье, его привычках и нравах, первое время ходил постоянно с Василием Трофимовичем в лес, обучал.

Пришлось и специальную литературу поизучать, а уж как переехал в дом отстроенный, то и заочно через интернет брать уроки у специалистов биологов-зоологов, и не только у них.

Дом и все постройки помогли возвести те же вояки, не без личного, разумеется, участия Славина, да со всякими усовершенствованиями и новыми технологиями получилось хозяйство добротным, качественным, современным даже.

– Ну и кое-чем из техники разной поделились, – скромненько закончил свое повествование Славин.

– Кое-чем? – переспросил и расхохотался от души Тимофей. – Это усиленным движком? – постучал он по торпеде, безошибочно определив по звуку наличие этого самого движка под капотом.

– Ну и им тоже, – пожал плечами Василий Трофимович, улыбаясь довольно, – всякие дела, спутниковые и компьютерные немножко, да так, по мелочи.

– Ну и куркуль ты, Вася! – продолжал смеяться Саргин. – Смотрю, тут совсем заматерел, кулачиной заделался. Как там насчет рабского труда, батраков держишь?

– Да живут иногда всякие, – рассмеялся Славин. – Только я их лечу. Вылечу, а они сами остаются, не выгнать. Сейчас парень один прибился, Георгием зовут, а кличут Геша, расскажу как-нибудь про него потом. А так да: хозяйство имею – конь Степаныч, солидный, не для баловства, пес любимый, друг настоящий, сибирский хаски Быстрый и подруга его, тоже любимая, лайка Найда. Куры-утки есть и дикий кот Виктор, в доме не живет, мышами промышляет, по утрам мне у порога добычу выкладывает. Была рысь. Я ее котенком покалеченным нашел, выходил, но в лес уже не вернешь, в зоопарк отдал недавно. Вот таким добром обзавелся. Ну, еще огород небольшой, для души зеленушка всякая к столу, деревьев фруктовых насажал и кустов ягодных. Ну а ты?

– А я как обычно, – ушел от разговора Саргин, махнув рукой. – Без изменений, все больше «в поле».

– Понятно, – вздохнул Славин.

– Богато живете! – выходя из машины, протянул театрально Тимофей, оглядывая добротное хозяйство Василия Трофимовича.

– А то! – хмыкнул тот, доставая из багажника вещи друга, и пригласил, посмеиваясь: – Милости, как говорится, просим! Проходи в дом.

Но тут к ним подбежали две великолепные псины. Один, явно вожак, пес, хаски с поразительными светло-голубыми глазами, присущими только этой породе, ткнул хозяину в ногу носом и настороженно подошел к Тимофею. Тот раскрыл ладони, дав понюхать их обоим собакам, познакомиться с ним, потом присел на корточки и потрепал по холке сначала пса, потом и лайку.

– Хороши! – похвалил он. – Молодцы какие. Ай, молодцы, красавцы.

В отношении животных к Тимофею всегда было нечто загадочное – они принимали его полностью и, скорее всего, за своего – псы-альфы, вожаки, как правило, настороженно, с готовностью воевать и отстаивать себя как лидера, но таким Саргин смотрел в глаза несколько секунд, они признавали в нем сильнейшего, тут же опуская голову в позе покорности, а вся остальная живность его обожала, принимая сразу.

Черт знает, может, он и на самом деле был для них своим? Что-то же они в нем чуяли? Он повозился немного с собаками и пошел за Славиным в дом.

– Куртуазно тут у вас, однако! – протянул Саргин, изображая восхищение, заходя из просторных, добротных сеней в большую гостиную комнату.

Заметил, что в углу у двери стоят полки с обувью и разнообразными тапками – ботами, шлепками, с задниками и сланцами летними на любые размеры и в большом количестве, посмотрел на чистый паркетный пол, покрытый у большого мягкого дивана под журнальным столиком ковром, и принялся снимать обувь, повторив во время процесса переобувания:

– Вот я и говорю, – выбрал себе тапки, примерил, потопал, остался доволен и шагнул вперед, – куртуазно живешь!

– Ладно, – усмехнулся хозяин, пристраивая поклажу на лавку при входе, – мог бы и не снимать свое пижонство, чай, не из лесу притопал.

– А хорошо у тебя тут, – обходя комнату и рассматривая интерьер, заметил Тимофей. – Ничего себе! – поразился он, остановившись у навороченного компьютера и ноутбука на массивном рабочем столе, расположенном у окна, и уточнил удивленно: – У тебя тут что, и интернет имеется?

– Все имеется, – хитро улыбался его удивлению Славин. – Мне ж наши спецы налаживать хозяйство помогали, ребятки из инженерных войск присылали и связистов. Они траншейку-то небольшую от города и протянули, а в ней и электричество со скоростным интернетом, и телефонный кабель. Я теперь вроде как снова в конторе нашей немного числюсь, что-то типа добровольного-вольного помощника, да и граница недалеко, пограницы на связи.

– Да, зажиточно устроился, с размахом, – похвалил Тимофей с уважением и одобрением.

– Потом все подробно покажу-расскажу, – пообещал с явной гордостью в тоне, словно родитель, хвалившийся выдающимися дитятей, Славин.

Тимофей кивнул и продолжил осмотр, а проходя мимо одной из дверей, вдруг остановился, принюхался и протянул с неким удивлением:

– Женщиной пахнет. Ты женился никак, командир?

– Да ну на тебя, – отмахнулся Славин и дурашливо-серьезным тоном пояснил, даже чуть головой кивнул с уважением: – Жиличка.

– О, так ты еще и пансион держишь, что ли? – хохотнул Саргин.

– Да нет, не сдаю, это по работе, наука, – покрутил отрицательно головой Василий Трофимович.

– А у вас с ней, не женился, но?.. – Он сложил ладони вместе жестом, намекавшим на интим.

– Кто про что, а Тимыч всегда о своем, – хмыкнул Славин. – Она мне в дочери годится.

– И кому это когда мешало? – приподнял саркастически брови Тимофей.

– Не тема, – как отрезал Славин и поинтересовался: – Ну что, с дороги за стол, а потом к вечерку баньку затеем?

– Добро, – согласился Тимофей и поделился желанием: – Я б, конечно, душ с дороги с удовольствием, но понимаю: деревенский быт и все такое.

– Душ пожалуйста, – все улыбался загадочно Василий Трофимович и рассмеялся, увидев приподнятые в удивлении брови Саргина. – Я ж тебе всю дорогу толкую: домик-хозяйство у меня с сюрпризами, не простая тебе избушка на курьих ножках, – и хлопнул друга по плечу. – Идем, покажу, где, что у меня тут расположено. А пока ты моешься, мы с Гешкой стол накроем, там и поговорим спокойно, без суеты.

Быстро приняв душ и переодевшись в свежее, Тимофей вернулся в гостиную, где его уже ждал накрытый стол, познакомился с Гешей, молодым парнем, на вид лет двадцати, которого представил ему Славин и который, поздоровавшись и закончив что-то расставлять на столе, слинял из дома по-тихому, видимо, не желая мешать друзьям.

Сели, Тимофей заметил, что на столе нет спиртного, посмотрел на Славина, тот понял без слов и пояснил:

– Вечером отметим, после бани, вдруг дела еще образуются, – и развел ладонями, уточняя: – Жизнь у меня теперь тут такая: в любой момент могут сдернуть по какой-нибудь надобности: то охотнички, то в лесу кто палить начнет, то деревенские по делам, а то и начальство нагрянет без предупреждения.

– Да и так отметим, – кивнул Саргин. – Для этого спиртосодержащие напитки не обязательны, – и поднял стакан с морсом. – За встречу, командир!

– За встречу, Тимыч, за встречу! – поддержал его Славин, поднимая свой стакан.

Чокнулись, выпили и приступили к еде. Тимофей все урчал и глазки от восторга закатывал, пробуя предложенные блюда. И потек понемногу разговор. Тим все расспрашивал Славина про жительство, про дом и его сюрпризы, как живется ему в новой этой незнакомой гражданской жизни, пусть и не совсем гражданской, но не армейской уже точно.

Посиделки мирные за богато накрытым по случаю приезда гостя жданного столом и разговор радостный были прерваны на самом хорошем месте – когда первый голод утолен, первый торопливый обмен новостями пройден и наступает час самого лучшего застолья – почувствованная еда и интересная, насыщенная, но уже неспешная беседа с близким человеком, которого давно не видел, встрече с которым безмерно рад и с которым вы говорите на одном языке, понимая порой друг друга без слов. Послышался зуммер радиостанции и чей-то голос, вызывавший на связь из-за двери одной из комнат, выходивших в гостиную. Тим посмотрел вопросительно на Славина, а тот сделался озабоченным и заметил:

– Странно.

– Внеплановый? – спросил Тимофей.

– Вот именно, – кивнул Василий Трофимович и поднялся с места.

Тимофей встал вместе с хозяином и пошел следом за Славиним в комнату. Сюда он еще не заходил – это явно личные апартаменты, где на рабочем столе, расположенном под окном, стоял большой монитор, мощный процессор которого находился под столом, и базовая КВ-радиостанция военного образца.

– Кордон, вызывает Группа-1, – прозвучало из станции.

– Здесь Кордон, – ответил Славин. – Почему экстренно на связь вышли? Случилось что у вас?

Он слушал, что ему отвечают и объясняют, спрашивал, став в момент сосредоточенным и собранным.

– Вас понял. Через десять минут выйду на связь, сообщу решение. Все. Отбой.

– Отбой, – подтвердили на том конце.

Славин снял наушники и задумчиво положил их на стол.

– Что-то не так, Вася? – слишком хорошо зная командира, спросил Тимофей, автоматически сразу же мобилизуясь.

– Не так, Тим, сильно не так, – кивнул тот. – Во-первых, на связь должен выходить руководитель группы, тем более в экстренных случаях, а это был заместитель руководителя. Во-вторых, он дважды повторил «вчетвером». Даже так: «Мы вчетвером посоветовались и решили». А их пятеро. Пятеро научных, и она у них руководитель.

– Женщина? Жиличка твоя? – уточнил Саргин.

– Да, – кивнул Славин.

– Отошла, заблудилась? Тоже разбилась и бояться сказать? – двинул варианты Тимофей.

– Нет. Ты же слышал, он говорил так, словно ее с ними и не должно быть, вроде как и я должен знать, что ее не может с ними быть, и вроде как это естественно. Он ее даже не упомянул. А что это значит? – посмотрел Славин на Тимофея.

– Ну, если бы не лес-тайга твоя и не мирная живность вокруг, я бы предположил захват заложников, одному из которых удалось сбежать или спрятаться, а тебя пытаются предупредить таким вот образом, – высказал профессиональное мнение Саргин.

– Вот именно, – протянул задумчиво Славин и повторил: – Вот именно.

– Командир, – осторожно напомнил ему Тим, – они в лесу, где на сотни километров ни души, кроме зверья, в научной экспедиции, а не посреди Москвы или Махачкалы. Какой захват?

– А у меня тут война, Дакота, – первый раз с момента встречи назвал друга позывным Славин, – во весь фронт. Я ее браконьерам объявил и нелегальным промысловикам древесины, а они меня в ответ сочли первым врагом и награду за мою голову между собой назначили. И

это, – он ткнул пальцем в сторону рации, – захват с целью понятной и известной: заманить меня в засаду и угомонить навсегда.

– Охренеть! – констатировал Саргин, хмыкнул и покрутил головой с улыбочкой. – А говорил, мирная жизнь, прямо экологически безупречная: воздух, природа, животина всякая дикая бегают, пастораль.

– Да сейчас, а размяться? – усмехнулся невесело в ответ Славин. – К таким, как мы с тобой, Тимыч, злодейских людей так и притягивает. Наверное, чтобы мы их прореживали периодически, освежая воздух.

– Думаешь, все жестко? – уточнил Тимофей. – И этого Михаила Евгеньевича твоего заваляли?

– Наверняка, – кивнул, засуровев лицом, Славин. – Если это тот, на кого я думаю. Дядя Миша когда-то поймал этого гада на «тигре» и упаковал в тюрягу надолго. Чума зовут, обещал меня на лоскуты порезать. Гоняю я его сильно, уже две его бригады пристроил за решетку, а он, сука, как уж верткий, прямо чувствует меня и сваливает в последний момент, бросая своих братков. Отморозок полный, на всю голову, никаких ограничителей, но хитрый и умный и имеет странное влияние на братву: они его больше смерти боятся и слушают беспрекословно, под пули за него пойдут. Набирает в банду человека по три-четыре и с ними браконьерит беспредельно, подо все подписывается, лишь бы платили: и тигра взять, и любого другого зверя, и рыбу на нересте, да и за иные темные дела не гнушается браться, не лесные. Получается, что, кроме него, никто на такое больше не решился бы, тем более что мальчишек-научников он заранее списал, а браконьеры таких дел не затевают. Уложат, если на их пути встанешь, дом сожгут, семье угрожать будут – это да, но чтобы спланировать целую операцию – не потянут. Он это.

– Понятно, у вас с ним долгая и нежная, прямо кровная вражда. Тогда пора его наглухо валить, раз такой прыткий и дерзкий, – констатировал очевидный факт Тимофей.

– Это-то так, да только мне теперь все по закону следует делать, если будет прямая угроза людям, тогда возможна ликвидация объекта, а так только вязать да в околотов тащить, аж в район, – пожаловался такой несправедливости Василий Трофимович.

– Значит, организуем угрозу, – пожал плечами Саргин.

– Э-э, постой, ты-то чего кипишишься, Тимыч? – остудил его хозяин. – Это мой головняк и работа, мне и разгребать. Ты же гость долгожданный, и у тебя отпуск, вот и отдыхай.

– А это что, не отпуск? – усмехнулся Тимофей. – Четверо-пятеро каких-то бандитских браконьеров, смеешься? Прогуляемся, одного не отпущу, не шути так, – и хлопнул друга по плечу с довольным, почти счастливым выражением лица. – Давно мы с тобой, Вась, в группе-то не ходили, а?

– Давно, – кивнул Славин, повернулся к радиостанции и уже начал работать, вызывая Витю на связь и отдавая распоряжения.

– Ну что, экипируемся? – бодренько, на подъеме спросил Тимофей, словно на увеселительную прогулку собирался.

– Дать прикид? – улыбнулся его настроению Василий Трофимович.

– Да все есть, свое старое камуфлю прихватил, знал ведь, куда еду, – отказался Саргин.

– Ствол? – предложил Славин.

– Свое оружие, – снова покачал головой Тим.

– О как! – подивился старший товарищ. – Каким образом, ты ж в отпуске?

– Во-первых, именной-наградной с разрешением к применению, – объяснил Тимофей. – А во-вторых, в связи с повышенной террористической опасностью в стране наделен правом вступать в сотрудничество с любыми органами местной власти или действовать самостоятельно в случае выявления угрозы мирному населению и жизни граждан, а также брать на себя руководство операциями по их спасению. Вот такая вот фигня. Так что, считай, я официально в этом деле, поскольку угроза гражданам лицом во весь портрет.

– А провез как в транспорте?

– Обычным рабочим порядком: под пломбу спецбагажом. Там, кстати, и тебе целая куча каких-то подарочков от командования на юбилей, не заглядывал, не знаю, интригу сохранял. Хотел в день рождения вручить, тогда и выяснить, что привез, но посмотри, может, сейчас что понадобится.

– Хватает добра, – отмахнулся Василий Трофимович.

Славин связался с кем-то из районной полиции, коротко и сжато обрисовав ситуацию, еще с кем-то из руководства, повторив свой рассказ еще более скупое.

Переоделись в форму, разложили по разгрузкам оружие-патроны, всякую необходимую мелочь, упаковали небольшие походные рюкзаки и склонились над картой района, проходя по намеченному маршруту. Василий Трофимович указывал ориентиры по ходу пути.

– Вот точка их местонахождения, двигаются еще. Вот Бараний Лоб, сначала на него пойдем, – ткнул он пальцем в красную точку на экране навигатора системы «Глонасс».

– Как я понимаю, экспедиция снаряжена спутниковыми маяками? – уточнял информацию Саргин. – Научники все об этом знают?

– Стеша точно знает, это мы с ней маячки к их аппаратуре крепили, а вот знают ли парни, не скажу.

– Стеша? – приподнял одну бровь вопроситель-но Тим.

– Степанида, – улыбнулся Славин. – Такое вот имя.

– То есть мы не знаем, может ли кто-то из парней сказать бандитам про систему слежения?

– Вряд ли, – подумав, решил егерь. – Разве что те сами обнаружат.

– Ну что, принимаем за рабочую версию наихудший вариант, – подвел итог Тимофей. – Михаила Евгеньевича ликвидировали, руководитель группы где-то прячется в лесу, парни в заложниках, маяки могли быть выявлены и используется захватчиками, чтобы привести нас в нужное им место засады и соответственно увести от места реальной стоянки. Бандитов пять-шесть человек, главарь беспредельщик, но хитрый и с особо тонким чутьем на любую опасность, – и тоном командира закончил: – Задача: бандитов вяжем, главаря при возможности ликвидируем.

– Так точно, – подтвердил Славин и повторился: – Только повод его гасить должен быть веским.

– Организуем, – уверил Саргин спокойно.

Василий Трофимович вызвал по небольшой рации Гешу, и когда тот прибежал со встревоженным лицом, совсем уж обалдев, увидев экипированных мужиков, Славин обрисовал ему ситуацию и надавал поручений, оставляя за старшего.

Вышли втроем во двор. Тут же подбежали собаки, поскуливая от нетерпения нестись по лесу в дальнюю дорогу, чувствуя настроение хозяина и просясь с ним в поход.

– Нет, ребята, – строго наставлял их егерь, – вы сегодня дома остаетесь, следите тут за порядком. Охраняйте.

Вот сто пудов собаки расстроились ужасно, это даже по их мордам видно было, Тимофей не удержался и погладил обеих по головам, успокаивая и что-то тихо объясняя, сочувствуя такой собачьей несправедливости. Но и правда не стоило их брать с собой – другая работа предстояла.

– Ладно, – распорядился Славин, уже мысленно и всем нутром настроившись на поставленную задачу. – Проверили снарягу и гарнитур.

Они дружно похлопали по всем карманам, мысленно пробежаясь по экипировке, и осторожно постучали пальцами по малюсеньким микрофонам гарнитур переговорных устройств.

– Попрыгали, поприседали, – дал следующую вводную он.

Попрыгали, покрутились, поприседали – не гремит ничего. Нормально.

– Ну что, Лис, – задорно спросил Тимофей, назвав Славина его старым позывным. – Марш-бросок по пересеченной осилишь? Или отъелся, разленился на гражданских-то харчах?

– Не дожدهшься, – парировал Славин. – Пошли.

И он двинулись. Сразу же взяв добротный темп, «встав на ногу» в одном ритме, как только вошли в лес. Идти до основного ориентира Бараний Лоб было часов шесть-семь, они собирались преодолеть это расстояние максимум за три в темпе спецназовского марш-броска. И Тимофей все поглядывал незаметно на Лиса, проверяя, как он там: все-таки возраст, да и не занимался командир марафонским бегом после ранения. Или занимался? Вон идет, как танк, – встал в колею ритма-скорости и прет без намека на одышку и слабость. Силен бродяга!

Но все же нет-нет да поглядывал.

Позывной Лис Славин получил еще в училище, когда на одном из учений оказался единственным командиром подразделения, который вывел свою группу в полном составе к месту сбора, умудрившись выполнить поставленную задачу.

Командиры охренели от такого сюрприза – они-то ставили курсантам заранее невыполнимое задание, как раз урок на то, как следует принимать проигрыш, реально оценивать свои силы и силы своей команды и уметь анализировать ошибки.

– Каким образом? – спросили пораженно у парня.

Ну он и рассказал подробно каким – расчетом, хитростью и смекалкой.

– Ну ты лис! – восхитился полковник.

Это точно, мог на все двести пудов подтвердить Тимофей данное утверждение. У Славина была какая-то исключительная чуйка на опасность и возможное развитие событий. А еще он просчитывал варианты действий так легко, порой прямо на ходу, что подчиненные диву давались: как такое вообще можно было придумать да закрутить? А исполнить?

Все на грани фола и невозможности, а у них получалось – на кураже, на абсолютном доверии командиру, ну и на филигранной слаженности группы, само собой. И ведь не раз выводил всех из-под неминуемой опасности хитрый Лис.

Просто Лис – позывной в «поле» на работе, а вне ее Лис Серебристый стали называть его мужики, когда он заполучил полголовы седины после одной из особо сложных операций с потерями, как гражданских, так и своих.

А Тимофей получил свой позывной на срочной службе, в учебке, когда начальство отметило его необыкновенные способности «читать» следы на любой местности, умение замечать и анализировать такие мелочи, которые даже тренированные спецы пропускали.

– Ну ты прямо индеец племени дакота, – восхитился командир.

Тим в очередной раз выполнил задание, отыскав за полчаса некую вещь, которую начальство в азарте полдня прятало, ползая по всему учебному полигону и старательно заматывая следы.

– Почему дакота? – удивился он.

– Потому что, говорят, они были самые крутые следопыты из всех индейцев Америки, – пояснил командир.

– Да врут, – убежденно покрутил головой Тимофей. – Там все индейцы были крутыми следопытами, особенно могавки.

– Может, и врут, – хохотнул командир. – Могавки не могавки, но ты теперь точно будешь Дакотой.

Так вот и стал. Прилипло.

Навыки свои уникальные Тимофей тренировал, развивал и усиливал постоянно, да они и сами как-то росли. Однажды заметил, что обострилось обоняние – запахи просто сваливались на него, часто настолько навязчиво, что ему казалось, что он может задохнуться или его стошнит. Тим даже курить снова стал – бросил было в училище, год не курил, а тут опять принялся.

И так интересно – когда находился на задании, сколько бы ни приходилось сидеть в ожидании команды в полной экипировке в мужицком «духмане», особенно в жару, да в бэтээре,

например, где аж железо накалялось, – и ничего, терпимо, на мозг не давило! И, понятное дело, такое обоняние в работе всегда помогало, порой даже очень. Но стоило вернуться в казарму или домой, сразу закуривал, чтобы приглушить разом наваливающиеся навязчивые посторонние запахи. А потом понял, что может регулировать этот процесс – ведь все у нас в голове, вот и научился приглушать чувствительность до нормальной в жизни и быту, а когда надо, «включать» на полную.

К сожалению, к иным его способностям применить такой метод включения-выключения было невозможно, что частенько сильно мешало в общении с людьми, особенно с женщинами. А потому что Тим замечал любые мелочи, которые тут же «любезно» анализировало сознание, выдавая выводы, и Саргин практически всегда безошибочно вычислял любой обман, все слабости и расчеты человека, не говоря уже о его комплексах, пристрастиях, зависимостях и всякой житейской лабуде.

Были эти способности врожденные или он их так сумел развить в экстремальных условиях, бог знает, но только еще в детстве Тимофею жизненно потребовалось стать хорошим психологом, «читать» людей и быть особо внимательным к любым мелочам, даже самым незначительным, для того чтобы просто тупо выжить. Ну, это совсем другая история.

А выявив такие уникальные способности у курсанта, их сразу же принялись развивать и усиливать в училище по особым программам и методикам.

Так что спецом Саргин был крутым, особенным, единичным. Дакота там, не Дакота, может-таки, могавок или могикан какой, но следопытом он был от бога, а заодно и физиономистом, психологом, артистом, шулером и много еще кем.

Поэтому, когда, не дойдя до Бараньего Лба, Тим вдруг сделал жест рукой: «Внимание!» – и присел на корточки, что-то рассматривая на земле, Славин даже не сомневался – взял след – и тут же занял позицию прикрытия и охраны, внимательно осматриваясь и прислушиваясь.

– Женщина, одна, небольшая, легкая, – докладывал тихо через переговорник Дакота. – В кусты ходила по малой нужде. За куст зацепилась, долго отцепляла ветки от одежды. – Он медленно двинулся вперед, согнувшись пополам, на полусогнутых ногах рассматривая следы. – Странно, с рюкзаком отходила, вот здесь он стоял, достаточно тяжелый для нее. Шла назад спокойно. Вот тут остановилась резко. Что-то ее напугало?

– Выстрел, может быть? – предположил Лис.

Они разговаривали настолько тихо, практически не шевеля губами, что даже птицы вокруг не насторожились, продолжая свои песни-щебетания совсем близко в ветках деревьев.

– Возможно, – согласился Дакота. – Потому что дальше она пошла медленно и осторожно. Удивительно, ветки обходила, чтобы не шуметь. Правильно двигалась. Обучена, что ли? А вот здесь сидела недолго.

Он согнулся и присел, стараясь принять такую же позу, в которой сидела женщина, и оглядывая внимательно местность вокруг с того же места, что и она.

– Прислушивалась и, видимо, рассмотреть пыталась, что там на площадке происходит. Отсюда пошла дальше, – и он двинулся влево от лежки, – почти ползком двигалась. Вот тут спрятала рюкзак в расщелине, листьями с хвоей его присыпала. – Он продвинулся вперед к высокому дереву, одиноко стоявшему у самого края плоской каменной площадки, тянущейся до большого надолба, нависшего над обрывом. – Я так понимаю, это и есть ваш Бараний Лоб? – спросил Тим у Лиса.

– Да, – подтвердил тот.

– Она на дерево залезла, – продолжил читать следы Тимофей. – Долго там сидела, потом прыгнула. Рискованно прыгала, свысока, торопилась очень. Взяла рюкзак и... – он прошел еще чуть вперед, – побежала на площадку к самому обрыву... – и предупредил Славина: – Не заходи сюда, Лис, тут следов много, посмотрю. А начальница ваша улеглась на самый обрыв, что-то там высматривала, даже рюкзак не сняла, рисковала. Отползла, встала и побе-

жала туда. – Он указал рукой вправо от площадки. – Вниз, к реке. По ее следам идти или посмотрим, что здесь было?

– Здесь, – распорядился Лис.

– Здесь, – задумчиво повторил Дакота, уже склонившись и рассматривая следы на каменной площадке. – Бандитов четверо, – начал докладывать он. – Парней тоже четверо, трое на коленях стояли долго, а вот проводника вырубili сразу, сзади. Лежал тут, потом подтащили на середину, били ногами, сильно, лежал какое-то время, потом перетаскили к обрыву и скинули вниз. Вот что она высматривала.

– И за ним побежала, – добавил Лис и поделился выводами: – Может, решила, что он живой?

– Насколько она ответственный начальник? – спросил Дакота, не отвлекаясь от своего занятия и продолжая медленно кружить по площадке, согнувшись пополам, присматриваясь, иногда останавливаясь и присаживаясь, чтобы рассмотреть что-то получше.

– Более чем ответственный.

– Своих парней не бросила бы, если б уверена была, что Леший ваш мертв? – не отвлекаясь от основного занятия, выяснял он.

– Не бросила, – подумав, подтвердил Лис, – за ними пошла б и придумывала, как меня перехватить и предупредить и как им помочь.

– Вот такая хорошая начальница, – похвалил почти весело Тим. – Значит, имеет веские основания верить, что егерь жив, и понеслась его спасать.

– Выходит так, только ты сам видел, что там внизу не может он остаться в живых, даже если тут после побоев выжил. Может, у нее шок от увиденного?

– Может, – согласился Тимофей и огласил свои выводы: – Вот тут они тебя вызывали, потом парней всех нагрузили поклажей и направились вон туда. Думаю, они недалеко ушли.

– Скорее всего, зачем им от основного ориентира удаляться, на который меня нацелили.

– А что по пеленгу?

– Стоят. Метров триста отсюда.

– Ну что, командир, – весело поинтересовался Саргин, – внесем элемент игры? Устроим рэмбятину на отдельно взятой российской территории?

– Ага, – поддакнул Славин. – Только вместо продажного шерифа у нас тут распоясавшийся браконьер.

Они смотрели, что происходит на небольшой поляне, где расположились лагерем бандюки, используя в виде рабской силы четверых молодых ребят, в данный момент трое из которых мыли в маленьком ручейке неподалеку посуду, видимо, после ужина, под присмотром двоих бандитов, державших их под прицелом винтовок. Третий бандит охранял лагерь, обходя его по периметру, ну а главарь, сидя на стволе поваленного дерева, разговаривал о чем-то с четвертым захваченным парнем.

И эта тихая беседа могла бы даже показаться мирной, так тихо и спокойно он говорил, если бы не тот замысловатый факт, что парень стоял на коленях со связанными сзади руками, с явными следами побоев на лице, а сам мужик, в полном несоответствии своему тихому голосу и, казалось бы, расслабленной позе, настороженно рыскал взглядом вокруг, словно к чему-то прислушивался и принимался.

Лис с Дакотой медленно и абсолютно неслышно отошли назад, скрывшись в лесу.

– Все, – практически беззвучно сказал Лис, но так, чтобы Тимофей его слышал совершенно отчетливо. – Он почуял опасность, видел?

– Видел, – подтвердил Дакота. – Один вопрос, Лис: он тебе живым нужен или гасить?

– Гасить, – твердо решил Славин. – Он становится все дурней и опасней. И дядю Мишу завалил.

– Понятно, платить налоги на его содержание в заключении ты отказываешься. Тогда план такой, – взял руководство операцией на себя Саргин. – Ты снимаешь охранника, когда тот дойдет до твоей зоны напротив этого Чумы, мне – те двое. Тихо делаем. Потом ты выходишь на поляну со стволом на него. Он, сто процентов, подхватит пацанчика и будет прикрываться им, предлагая тебе бросить ствол. Ты бросаешь, руки в гору, он направляет на тебя огнестрел, я его успокаиваю. Такая раскадровка мотивации для его устранения достаточно будет или еще что замутим?

– Вполне, – согласился с планом Славин.

Больше они не говорили, сняли и убрали в рюкзаки гарнитуры, рюкзаки спрятали под лапами небольшой ели – кивнули, жестами показали, кто куда, какие действия следуют за какими, и Дакота совершенно неслышно, так, что не дрогнула ни одна ветка и ни один лист, растворился в пространстве.

Выполнение плана заняло считанные минуты. Охранник, поравнявшись с деревом, за которым стоял Славин, не успел не то что звука издать, даже понять что-то – резкий удар в определенное место на шее, и он бесчувственным кулем опустился на землю.

Саргина увидел только один из парней-научников, складывавших чистые миски стопкой, когда Тим, словно ниоткуда, вдруг материализовался позади охранявших их бандитов. У парня начало изменяться выражение лица, один из бандитов что-то заподозрил и стал поворачиваться... но получил короткий удар пальцем в какую-то точку на шее и осел. Дакота перехватил из его ослабшей руки винтовку и другой рукой нанес такой же удар второму бандиту, подхватив и его оружие. Широко улыбнулся, весело подмигнул оторопевшему парнишке, открывшему рот и глядевшему расширенными от потрясения глазами на незнакомца в камуфляже, и исчез.

Дальнейшие события развернулись точно по озвученному Тимофеем сценарию: как только двое у реки были обездвижены и Дакота подал знак Лису, наблюдавшему за ним в бинокль, что все в порядке, тот, взяв на прицел так и сидевшего главаря, неспешно и солидно вышел на поляну.

– Ну, все, Чума, – обратился он. – Бросай оружие, иначе стрелять буду сразу, предупреждаю.

Чем руководствовался этот мужик и что у него там от скорбности головы происходило в мозгу, одному черту известно, но он ослабился довольной глумливой улыбкой, похожей на звериную, и молниеносным движением схватил Витю Тюрина, стоявшего перед ним на коленях, за волосы, рванул на себя и приставил к его виску пистолет, непонятно откуда оказавшийся в руке браконьера.

– Значит, ты к нам поспешил, егерек, – почти радостно констатировал вожак. – Бежал, наверное, устал, прибыл пораньше. Оно и хорошо, чего тянуть с разборкой, – и громким, каким-то лающим тоном приказал: – Винтарь на землю! Иначе я ему башку отстрелю! Быстро, я сказал!

– Да ты не ори, – спокойно возразил Славин, не торопясь опускать оружие. – Подручные твои на помощь не придут: я их немного успокоил. И что ты станешь делать? Мальчишки вон подошли и видят нашу патовую ситуацию, кто-нибудь из них не выдержит и рискнет тебе по башке чем-то приложить, и что ты сделаешь? Снять его решишься? Как я стреляю, ты знаешь, стоит тебе оружие от головы мальчика убрать, пулю в лоб получишь, а то и две, для тебя не пожалею. Давай, Чума, прикинь расклад: сдашься – ну, десятку за захват заложников получишь...

– Они Михаила Евгеньевича убили! – крикнул несколько истерично кто-то из парней, замерших на поляне.

– Ну, пятнашку, – поправился Славин, не отвлекаясь и не сбиваясь с тона. – Выйдешь еще не совсем старым. А начнешь тут пукалкой махать – пристрелю.

У Чумы сделалось вдруг страшное лицо не человека, а зверя, дотянувшегося до горла своего врага, рвущего его на куски, уже не обращая внимания на то, что убивают его самого, не чувствуя боли и сомнений, не думая о своей жизни, перейдя все ограничивающие инстинкты самосохранения в одной-единственной, затопленной ненавистью цели – достать, убить, уничтожить!

Он с силой вдавил пистолет в висок Вите, перехватил его рукой, прижав локтем его голову к себе, и заорал страшным, хриплым голосом:

– Я сказал, брось винтарь, сука!! Пристрелю пацана!!

– Ладно-ладно! – тут же согласился егерь и медленно начал опускать ружье, подняв свободную руку вверх и уговаривая ровным тоном: – Только ты спокойно, не психуй, парня ненароком не пристрели.

– Тебя уже не касается, – жутко, как-то скособоченно, одной частью лица улыбнулся Чума, выбрасывая руку с пистолетом вперед на Славина.

И в тот же момент откуда-то сзади, из-за спины Василия Трофимовича, прогремел единственный выстрел.

Прямо в центре лба Чумы образовалась черная точка, глаза его сделались вдруг пустыми и бессмысленными, рука стала медленно опускаться, а из странной черной точки потекла тонкая красная струйка, и тело браконьера начало как-то медленно опускаться, как кусок желеобразной массы, не имеющей внутреннего каркаса...

Совершенно потрясенные и ничего еще до конца не осознавшие парни смотрели на Чуму обалдевшими глазами, и пока это тело принимало в себя смерть и, подчиняясь ее законам, оседало на землю, на поляну неспешно вышел незнакомый им человек в военном камуфляже и попенял Славину:

– Ну и на фига ты ему шанс решил дать, уговаривал, а?

– Я ж теперь законник, Тим, с криминальным элементом, как с дитем малым, обязан рассусоливать, – хмыкнул егерь, закидывая на плечо свою винтовку.

Эти двое разговаривали так, словно ничего не произошло, и не случилось никакой трагедии, и не убили тут человека, как будто продолжили прерванную ненадолго мирную бытовую беседу, не обращая внимания на обалдевших парней, застывших изваяниями, не в силах оторвать взглядов от упавшего наконец тела Чумы, смотревшего теперь в небо неживыми черными глазами.

– Ага, – согласился саркастически Тимофей, – пока они такого не понаделают в силу скудости ума, что только отстреливать успевай.

– Ладно, ты мальчишек-то не пугай, – напомнил ему о зрителях и слушателях Славин и кивнул в сторону замершей троицы, – они вон и так все в шоке.

А парни продолжали стоять, не двигаясь, смотрели на лежавшего на земле, раскинув руки, человека. Еще несколько минут назад он жил, что-то кричал, приказывал, и этот стремительный переход от жизни к смерти никак не могло вместить в себя их сознание.

– Нет, я понимаю, – заметил с иронией Тим, подходя к продолжавшему стоять на коленях Виктору и доставая нож из ножен, закрепленных на поясе брюк, – такая инсталляция производит вполне ощутимый удар по неокрепшей подростковой психике, но другу-то руки развязать могли бы. – Он разрезал веревки на руках Вити и присел перед ним на корточки. – Ну ты как, парень?

– Охреневаю, – прохрипел тот.

– Молодец! – хлопнул его по плечу Дакота и, подхватив под руку, помог подняться и сесть на то самое дерево, на котором еще недавно сидел Чума. И только теперь, взглянув на тело убитого, произнес со вздохом сожаления: – «Так гибнут замыслы с размахом», как сказал Уильям наш Шекспир, – и снова повернувшись к аспиранту, еще раз легко хлопнул его по плечу и улыбнулся. – А ты действительно молодец, парень, не растерялся, все грамотно сделал.

– Ну, что застыли, бойцы? – гаркнул командирским тоном на пацанов Славин, выводя их из ступора. – А кто вязать злодеев будет? А то они очухаются скоро и подумают, что многое можно.

– А вы их что, не того?.. – спросил растерянно и как-то даже разочарованно Аркаша и кивнул в сторону Чумы.

– Экий вы, оказывается, кровожадный молодой человек! – попенял ему с серьезным выражением лица Тимофей. – Мы с Василием Трофимовичем люди мирные и оступившихся граждан не мочим направо и налево, а отводим в полицию для дальнейшего перевоспитания путем временного ограничения свободы и ущемления в правах. Правда, Василий Трофимович?

– Ага... – растерянно подтвердил вместо Славина Андрей Торгин, бессильным кулем плюхнулся попой на землю и уточнил: – Мирные.

А Игорек Михайлов рванул в кусты, где его вывернуло наизнанку, и он еще долго там громко отплевывался, постанывая.

– Офигеть, – высказался интеллигентный мальчик Аркаша Азовский, принципиальный противник мата, и таким же бессильным кулем плюхнулся рядом с Андреем.

– Понятно, – посмотрев на них, вынес вердикт Тимофей. – Пробрало детишек.

– Ладно, Вить, – присев рядом с Тюриным на ствол дерева и протянув ему флягу с водой, сказал Славин. – В общем и целом картина происшедшего нам ясна. Вы как Степаниде знак подали?

– Не мы, а Михаил Евгеньевич, – жадно отпив воды, принялся рассказывать аспирант. – Мы привал сделали, сидим, болтаем. Дядя Миша курил, посмеивался над нашим трепом, вдруг насторожился как-то, встал, винтовку в руки взял и, не глядя на нас, тихо так говорит, но мы услышали: «Степаниды с нами не было, поняли?» Ни хрена мы не поняли, посмотрели на него, как на больного, а он вдруг так громко: «Не стоит подходить, Коля, я ж выстрелю, ты знаешь!» Мы, как идиоты, как дети тупые, рты пораскрывали и обернулись кучей туда, куда он смотрел, а там этот Чума стоит и так глумливо улыбается. И вдруг дядя Миша выстрелил ему под ноги, вроде как «не подходи». Ну, мы так подумали, а он специально стрелял, чтобы Степаниду предупредить. И пока мы ртами хлопали и пялились, сзади к дяде Мише подобрался один из них, здоровый такой, и прикладом его по затылку. Дядя Миша и упал. Он слышал, знал, что подходят сзади, но не повернулся, держал на прицеле этого. – И Витя кивнул на распростертого Чуму.

Тюрин вдруг принялся торопливо, сбивчиво рассказывать, как все происходило там на поляне. Как заставляли его связаться со Славиним, как били насмерть Куликова, а потом скинули со скалы в реку, как рассказал ему Чума свой план убить Славина и всех их, выдав все за несчастный случай, и про то, что следили за ними в деревне и кто-то ему из местных все про них докладывал.

Говорил и говорил, взхлеб, словно торопился выплеснуть отраву, переполнившую его сознание и душу, из себя – вывернуть все, исцелиться.

Тимофей тем временем обошел «отдыхающих» бандитов, связал им руки-ноги, сходил к елке за рюкзаками и подошел к Славину с Виктором в тот момент, когда парень заканчивал свой рассказ.

– А где Степанида, не знаю. Испугалась, наверное, и сбежала, – пожал он обессиленно плечами, истратив весь оставшийся запас энергии и адреналина. – Хорошо, что сбежала. Они тут между собой обсуждали, что с ней хотели сделать, какая-то извращенная сексуальная фантазия вплоть до некромантии, и всё ужасно ругались, что ее нет с нами. Так что хорошо, что сбежала, не зря ее дядя Миша предупредил.

– Ты давно ее знаешь? – вздохнув глубоко и выдохнув, устало спросил Славин, как учитель у нерадивого ученика, снова не выучившего урок.

– Давно, – удивился вопросу Витя. – Она была моим преподавателем, а потом научным руководителем стала.

– И в экспедиции, насколько я знаю, не первый раз с ней ходишь?

– Ну да, – не понимая, к чему он клонит, подтвердил Тюрин.

– Она хоть раз когда-нибудь сбегала от трудностей или неприятностей и бросала своих людей? Пугалась так чего-то, что уматывала?

– Не-ет, – начало доходить до Вити. – Никогда. Но...

– Она за Михаилом Евгеньевичем побежала по реке, – объяснил Славин.

– Но он же... – замолчал, не договорив, Витя.

– А ты уверен? – посмотрел на него внимательно Василий Трофимович.

– Да, – кивнул Витя. – Они проверяли, пульс щупали и все такое, он мертвый был еще до того, как его скинули.

– А она, значит, в этом не уверена и решила попробовать его спасти, – объяснил Славин. – Думаю, она слышала переговоры и поняла, что ты смог меня предупредить, я догадался и принял твоё предупреждение правильно. Она знала, что я вас вытащу, а вот Лешего, кроме нее, вытащить некому.

– Ну, я пошел, Вась, – уведомил Тимофей, намеренно не произнося позывного командира и не отмечая его статуса. Незачем попусту афишировать пацанам, кто тут о чем, лишняя для них информация.

– Про прогноз не забывай, – напомнил Славин. – К ночи дождь будет и на весь завтрашний день зарядит. К утру первая высокая вода по реке пойдет, а за ней большой сход начнется.

Славин поднялся и достал из кармана разгрузки карту.

– Где ты Стешу перехватишь, неизвестно, но на ночь вы застрянете, это точно. Какой еще у нее там расклад, непонятно: выловила она Лешего или нет. Смотри, вот тут стоит избушка перевальная, – показал он другу место на карте. – Если что, до нее иди, изба добротная, печь хорошая, запасы есть, сам недавно проверял и пополнял, отсидитесь, а от нее по прямой до кордона хода часов пять-шесть. У тебя Kenwood, но не дальняя, от реки хрен добьет, а от избушки, может, и дотянет. Пробуй связываться с высот, возможно, и возьмет.

– Нормально все, – улыбнулся ему грустной мудрой улыбкой Саргин, надел рюкзак, автоматически подгоняя его по телу и застегивая ремни. – Разберусь, – и хлопнул командира по плечу. – Ладно, Лис, пошел я.

– Давай, – ответил хлопком по его плечу Славин.

Он стоял и смотрел какое-то время туда, где скрылась за деревьями гибкая и одновременно мощная фигура Тимофея, и думал о том, о чем они оба вспомнили, когда он наставлял Саргина: вот уж пять лет Лис не руководил своей группой и почти десять лет Тимофеем. И тот давно уже сам стал командиром боевой группы, побывавшим в таких практически невыполнимых операциях, умудряясь и задание выполнить, и людей вывести, умеющий и планировать, и руководить, и брать на себя всю меру ответственности за людей и задания, если честно, гораздо более талантливый в профессии и оперативнее, чем сам Славин когда-то.

Вот так. А он все по привычке сто раз перепроверит, указания даст, напомним о вариантах. Как мать-наседка или как скучавший безмерно по своему утраченному призванию человек...

Вот так.

Улегшись пузом на самом обрыве скалы, Стеша увидела внизу тяжелое инертное тело, захваченное длинным тонким рукавом течения, медленно, с трудом перетаскиваемое им из спокойной воды колодца на стремнину, туда, к бьющейся неистово в каменных порогах до взбитой пены и брызг воде.

И помчалась вниз. К реке.

Она бежала как только могла быстро и все равно опоздала. Там, где Стеша планировала увидеть и перехватить тело дяди Миши, его уже не оказалось. Оскользываясь на мокрых валунах, рискуя сорваться вниз, не удержав равновесие, чему сильно способствовал тяжелый рюкзак, Степанида таки забралась на один из самых высоких камней и всмотрелась в даль. Вон впереди мелькнуло в воде что-то темное. Девушка скатилась с каменюки и снова побежала вдоль реки.

Побежала – это условно, даже, скорее, образно. Хрен там побегаешь – скользкие камни, кучи валежника разного, то высокие, подмытые берега, на которые приходилось карабкаться, уже совершенно и окончательно попрощавшись с остатками ногтей и сбивая дыхание, то скачиваться вниз, в прямом прикладном смысле – на пятой точке, и снова пробираться по берегу с камня на камень, перелезая поваленные стволы деревьев и скопления плавника.

Совсем тяжело – дышалки не хватало, легкие горели огнем, девушка вся вспотела, спина от рюкзака ныла немилосердно, но Стешка упорно продолжала двигаться вперед – карабкалась, перелезала через завалы, поднималась, спускалась, периодически высматривая и находя в воде фигуру дяди Миши.

Один раз его прибило к камню совсем близко к берегу.

– Только задержись там! Я сейчас! Сейчас!! Не уплывай! Дерись!! – уговаривала его Стеша.

...Она рванула с очередного крутого берега вниз, скатилась то на полусогнутых, то на попе, по ходу спешно расстегивая лямки на груди и животе, скинула рюкзак, дернула молнию вниз и стащила с себя куртку, продолжая не то молиться, не то уговаривать неведомые высшие силы.

Тело Куликова прибило к большому круглому камню и придавливало к нему потоком воды. Стешка с разбегу влетела в ледяную воду, забралась на один из камней, перелезла через него, неожиданно ухнув в реку аж по пояс, сделала пару шагов вперед – глубоко, не пройти! Черт!

Она огляделась, заметила с другой стороны камня торчащий сухой сук, на вид надежный, за который вполне можно было бы держаться. Прикинула расстояние – пожалуй, она дотянется с той стороны, – и начала выбираться назад.

Дело оказалось не таким простым – как раз именно с той стороны каменюки образовался завал из выброшенных водой кусков деревьев, веток и другого мусора. Кое-как пробралась, осторожно ступая по этой куче, переползла на камень, ухватила за ту самую высмотренную ветку, встала поудобней и потянулась к дядь Мише.

Но в это время волна ударила сильнее обычного, тело сместилось и начало медленно сдвигаться в сторону стремнины.

– Нет!! – возмутилась Стеша. – Не надо!!

И потянулась со всей силы что могла! Она почти достала! Уже прикасалась кончиками пальцев к рукаву его плаща – еще чуть-чуть! Но новая волна сорвала тело с места и потащила на середину реки.

– О-о-о нет! – простонала Степанида.

И такое вдруг бессилие и отчаяние накрыли ее, что не нашлось ни одной мало-мальской силенки сопротивляться, даже рукой пошевелить не могла и не чувствовала, как катятся по щекам слезы.

Одна игривая волна неожиданно стукнулась о камень посильней, обдав лицо девушки брызгами, и это привело Стешку в сознание, что ли. Видимо, она и вправду выпала на какое-то время из реальности, помутилось что-то в голове.

Что она тут стоит и все держится за этот мертвый сук? Там же Михаил Евгеньевич погибает!!

Даже допускать мысли, что он уже... Нет! Нет. Нет. Нет!

Стеша выбралась из реки, с удовольствием даже сопроводив это непростое дело руганью и парочкой крепких словечек, торопливо надела куртку, рюкзак, закрепила его на себе и посмотрела наверх – на ту кручу, куда ей снова предстояло взбираться, вздохнула тягостно и поползла вперед.

Сколько часов она бегала наперегонки с рекой и смертью, Степанида не знала, давно уже потеряв счет времени и не чувствуя своего тела. И настал тот неизбежный момент, когда она поняла, что просто больше не в силах двигаться! Вообще! Ни двигаться, ни дышать, ни даже думать не в силах!

Все! Тело отказалось подчиняться командам мозга, ноги подгибались сами собой и не передвигались, сердце колотилось так, что грозило ребра сломать, легкие варились в кипятке, в правый бок как будто кто-то вогнал раскаленный железный штырь, а перед глазами плыла кровавая пелена.

«Ну, еще чуть-чуть! – уговаривала она себя. – Ну, прибьет же его еще раз где-нибудь обязательно!»

«Не-а, – сказал организм, – баста! Достала – больше не могу! И не хочу!»

Из каких-то уже не собственных сил, а неизвестно как Степанида сделала последние три шага, поднявшись на самый верх кручи над рекой, и, прижавшись к стволу какого-то дерева, судорожно принялась дышать, боясь, что упадет и больше не встанет.

Она дышала, дышала, дышала, и красные круги перед глазами потихоньку начали таять, а сердце уже не крушило грудную клетку. Девушка откинула с глаз висевшие сосульками пряди волос, давно выбившиеся из пучка, и посмотрела на реку.

И обалдела!

Это было как издевательство, как шутка злых богов или... подарок небес за все ее мытарства! Там, внизу река делала крутой изгиб, уходя налево, образуя у берега небольшой заливчик тихой воды, укрытый от стремнины с двух сторон крупными каменными глыбами, как почетным караулом, и естественный галечный пляжик на берегу. Картинка тихой природной красоты – зашибись! Прямо мечта туриста – прозрачная чистейшая речка, дивный пляжик, где так и просится палаточка, костерок, рыбалка и романтика вдвоем.

И вот на границе этой спокойной прозрачной водицы залива у валуна билось на воде тело дяди Миши, видимо, зацепившееся за что-то.

– Я сейчас!! – прохрипела пересохшим горлом Степанида, прокашлялась и прокричала громче: – Я сейчас!!

И куда усталость делась! Вот только что умирала от бессилия и запредельной перегрузки организма, а тут рванула с места и понеслась, перелезая через поваленные деревья, скатываясь с мелкими камнями по косогору, и бежала, бежала...

Торопливо расстегивала и скидывала с себя на бегу рюкзак, дернула молнию и стащила куртку, неотрывно глядя туда, где болтало дядю Мишу Куликова. Плюхнулась на гальку и ухватила сдирать с себя мокрые ботинки, понимая, что, скорее всего, придется плыть, а они станут тянуть вниз...

И наконец ринулась в воду, подняв кучу брызг.

– Я сейчас! – все повторяла и повторяла она.

Плыть действительно пришлось. Дядя Миша лежал на спине. У него было совершенно белое лицо, синие губы, и ни единого признака жизни не подавало его подвластное течению реки тело.

Стеша ухватила его за рукав плаща и потащила к берегу. Пока они вот так плыли, было еще ничего, но при попытке вытащить пострадавшего на берег возникла проблема – абсолютно расслабленное, бесчувственное тело в мокрой одежде и с каким-то чудом удержавшимся на спине рюкзаком, набравшимся воды, было совершенно неподъемно для Степаниды.

Она тащила и тащила его, упираясь в гальку ногами и чувствуя, как трещат на пределе все натруженные мышцы тела. Поняв, что так ей не справиться, Стеша стянула кое-как начавшими сильно дрожать от холода руками рюкзак со спины дяди Миши и, перекатывая, вытолкала мужчину на сушу у самой кромки воды.

Она судорожно прижимала пальцы к его шее, пытаясь уловить хоть какое-то биение сердца, и, ничего не нащупав, кинулась расстегивать доисторический брезентовый плащ и плотную кожаную безрукавку с овечьим мехом внутри, подвинула его поудобней, запрокинув голову назад, и принялась делать искусственное дыхание.

Пять нажатий на грудину – вдох рот в рот!

Давай! Заводись! Раз-два-три-четыре-пять! Вдох!

Еще раз! Раз-два-три-четыре-пять! Вдох! Заводись!!

Следы, что она оставила, и читать не требовалось – прямо красная ковровая дорожка с пояснениями всех действий дамочки.

Тимофей поразился: шла она в очень хорошем темпе и преодолевала препятствия практически без остановки – спортсменка, что ли? Что за тетка-то вообще? Вот тебе и преподаватель университета! Он как-то совершенно забыл спросить, а сколько лет этой руководительнице. Ну, то, что она легкая и небольшая – это он по следам еще там, у Бараньего Лба, прочитал, а вот какого женщина возраста, не поинтересовался.

Да уж, упущение. Вот что значит почувствовал себя в отпуске. Расслабился.

Он потратил минут пятнадцать, внимательно рассматривая то место на берегу и в воде, где она копошилась то с одной стороны валуна, то со второй. Видимо, вот тут прибило тело бывшего егеря, и женщина старалась до него дотянуться. Но его сорвало и опять понесло вниз.

И чем дальше он шел, тем все больше поражался этой женщине, проникаясь настоящим уважением – видно же, что уже еле двигается, да и любой другой неподготовленный человек выдохся бы и сломался уже давно, а она упорная – прет и прет вперед, не останавливается, хоть еле ноги переставляет, да еще и рюкзак на себе тащит, не бросает.

А ближе к вечеру Тим увидел пляжик у красивейшего заливчика и какие-то разложенные на камнях на берегу вещи.

Подойдя ближе, он встал за деревом, присматриваясь к обстановке. В левой части пляжа лежал мощный комель с частью корня некогда большого дерева, неизвестно как оказавшийся здесь, скорее всего, занесенный во время большого половодья. Возле него, сидя на корточках спиной к Тиму, копошилась с чем-то женщина, одетая только в белое белье и короткую майку до трусиков.

Тимофей сделал несколько бесшумных шагов к ней, пытаясь разобрать детали в стремительно опускающихся сумерках, присмотрелся, подумал и сделал еще один шаг, намеренно прогремев галькой, выдавая таким образом свое присутствие.

Услышав шум, незнакомка резко поднялась и развернулась к нему лицом, и Саргин обалдел! Он вобрал, оценил и принял мгновенно всю информацию, что увидел в пару секунд, – как она поднимается, одновременно разворачиваясь на пятке, по пути этого движения подхватывает лежавший рядом на гальке пистолет и, уже заканчивая разворот, доводит руку и сразу же занимает позицию профессионального стрелка – корпус чуть повернут плечом вперед, в правой руке оружие, левая ладонь поддерживает ее снизу, голова немного набок. И, встав в стойку готовности к стрельбе, без размышлений и сомнений она сняла оружие с предохранителя.

И только после этого переместилась, сделав шаг вправо и прикрывая таким образом собой лежавшее темной бесформенной кучей тело человека.

А еще он успел заметить, что белье у нее грамотное – хорошей спортивной фирмы, хлопок с эластиком, никаких стрингов и кружев неуместных, без швов и застежек, сплошное, как раз для длительных переходов, чтобы не терло, не жало и держало нужную температуру.

И вот только теперь Саргин обратил внимание, что перед ним совсем молоденькая девушка. И очень симпатичная. Так! И с хорошей фигурой. Та-а-ак! И с длинными темными волосами, небрежно закрепленными узлом на затылке. Несколько прядей, выбившись из прически, свисали по бокам ее лица. Еще больше. Та-а-ак! А еще это чертовое белое белье слишком ладно на ней сидело, особенно в районе ее высокой потрясающей груди, и просто слепило глаза во все сгущающихся сумерках.

– Вы кто? – напористо-предупреждающе спросила она. – Что вам надо?

– Тимофей Саргин, – тут же отрапортовал он. – Друг Василия Трофимовича, он наверняка вам про меня говорил.

– Я вас не знаю, а представиться можно как угодно! – не меняя позы, отметила очевидный факт девушка.

Он смотрел ей в лицо и отчетливо понимал, что эта выстрелит, что у нее хватит и силы духа, и характера, и решимости, чтобы выстрелить не задумываясь, если она почувствует настоящую угрозу.

«Ни фиги себе дамочка!» – вообще-то восхитился он.

– И как доказать вам, что я – это я? – без всяких интонаций очень ровно спросил Тимофей, чтобы не раздражать напряженную женщину.

– Как называли вашего интенданта, когда вы служили вместе? – подумав, спросила девушка.

– Это закрытая информация, – быстро ответил Тимофей.

– Считайте, что у меня есть допуск, – без тени намека на шутку сказала она, слегка покачивая дулом пистолета.

– Знаете, – спокойно заметил Саргин, чуть улыбнувшись, – разговаривать с человеком, направляющим на вас пистолет, сложно, такое ощущение, что он может не дослушать.

– Если вы действительно тот, кем представились, то, думаю, вам это известно лучше всех, – отрезала она и более нервно напомнила: – Вы отнимаете у меня драгоценное время!

– Карась, – назвал Тим кличку интенданта. – Его звали Карась.

– Дата второго рождения Славина? – быстро задала она следующий вопрос.

– Двадцать пятое декабря, – так же быстро ответил он.

– Хорошо. – Девушка перевела пальцем предохранитель назад и опустила руки. – Как вы здесь оказались?

– Искал, – пожал плечами Саргин, медленно направляясь к ней, и утвердил, заглянув через плечо за ее спину: – Вы его вытащили.

– Да, – устало кивнула девушка и вдруг сосредоточилась вся, словно собралась непонятно откуда взявшимся остатком сил. – Там моих ребят захватили. Им помощь нужна.

– Все в порядке, Степанида, – ровным, успокаивающим тоном уверил Тимофей. – Бандитов повязали, ребят освободили.

– Хорошо. – Она словно сдулась вся на этом одном слове, как проткнутый надувной шарик.

– Как вы его сюда-то от реки дотащили? – искренне поразился Тимофей.

– Не знаю, не помню, – покрутила она головой, продолжая стоять в той же позе с опущенными бессильно руками. – Сознание теряла.

И тут он понял и наконец разглядел, что она смертельно измотана и ни на каких уже пределах и адреналинах и вторых-третьих дыханиях – все эти резервы уже давно ею пройдены и вычерпаны, и как она еще умудряется держаться и разговаривать, непонятно! Откуда у нее взялись силы подскочить, развернуться стремительно и держать его на мушке – вообще невозможный предел какой-то!

Саргин осторожно забрал из руки девушки пистолет и засунул его себе за пояс брюк, быстро скинул свой рюкзак, опустил на землю, присел на одно колено, открыл, покопался в

нем, достал специальное термоодеяло, с виду напоминавшее большущий кусок позолоченной фольги, такие используют спасатели для обогрева пострадавших, поднялся, закутал ее, совершенно безвольную, и, поддерживая под локоток, усадил на свой рюкзак.

– Он жив? – спросил Тимофей.

– Да, – кивнула она и улыбнулась измученной, но счастливой улыбкой.

Она все делала и делала массаж сердца и искусственное дыхание, отказываясь сдаваться и принимать мысль, что все это уже бесполезно и поздно и ничего уже не исправить, когда почувствовала, что больше просто не в силах и сейчас ляжет рядом и умрет вместе с ним, и ее накрыло такой волной ярости, что, разозлившись ужасно, от полного отчаяния и безысходности, Степанида с силой ударила кулаком в грудь Михаила Евгеньевича, как учили на курсах спасения...

И он завелся!!

Закашлявшись надсадно, так, что плюхнула вода из горла, дядя Миша захрипел совершенно страшно, и она подскочила, перевернула его на бок, надавив на живот, помогая избавиться от воды в легких.

А потом Стеша почему-то решила, что надо непременно оттащить его от воды – когда принимала это решение, еще отдавала себе отчет почему, а когда принялась осуществлять, уже ничего не знала, думать не могла и не понимала, что делает.

В прострации какой-то находилась.

Стеша присмотрела огромный корень дерева с частью ствола и наметила его местом их стоянки, взялась за воротник плаща дяди Миши, уперлась пятками в гальку и принялась тащить на себя. Он даже помогал какое-то время, отталкивался левой ногой и локтем правой руки. Видимо, от перегруза Степанида впадала временами в помутнение разума, потому что и на самом деле не помнила, как дотащила его и умудрилась уложить под деревом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.